

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

ЩОЗОРЫ

Сергей Недоруб

СВЕТЛАЯ
ТЕНЬ

Дозоры

Сергей Недоруб

Светлая Тень

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Недоруб С. И.

Светлая Тень / С. И. Недоруб — «Издательство АСТ»,
2019 — (Дозоры)

В Москве, прямо у ворот Дневного Дозора, совершено нападение на пражских инквизиторов. У них украден уникальный эликсир, серьезно расширяющий боевые возможности любых Иных, даже низших. Расследовать атаку берется Сергей Воробьев – Темный первого уровня. Для него это вопрос чести – организатором атаки считается его старый знакомый, оборотень Клумси. Но Сергею куда важнее понять, что случилось со Светлой волшебницей, отправленной Ночным Дозором на это же дело со своей стороны и пропавшей без вести. С Ведающей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Недоруб С. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Недоруб

Светлая Тень

© С. Недоруб, 2019

© С.В. Лукьяненко, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Часть 1

Глава 1

Старинные часы с маятником и печальной кукушкой, застрявшей в бронзовом гнезде, заметно контрастировали со свежей отделкой офиса, выполненной по новейшим технологиям. Что характерно, здесь работали мастера, среди которых не было ни единого Иного. И никто из них, конечно, этих часов даже близко не увидел. Я так думаю. Иначе кто-нибудь да стряхнул бы с них пыль. Или задал бы вопрос, что тут делает механизм с застрявшей ключевой деталью и без одной гири.

Председатель окинул нас беспристрастным взглядом, вытряхнул листы бумаг на подковообразный стол.

– Итак, приступим, – сказал он. – Мадам Ольсен, прошу начать запись. Мы собрались здесь, на территории Дневного Дозора города Москва, Россия, чтобы поставить точку в вопросе Сергея Воробьева, Темного Иного первого уровня. Инцидент, приведший к смерти Максима фон Шелленберга, Высшего Инквизитора, случившийся три года назад в Севастополе, Россия, был расследован Великим Трибуналом в Праге. Вопрос не считается закрытым, пока не урегулированы некоторые формальности. В частности, Трибунал считает нужным убедиться, что Сергей Воробьев остается благонадежным сотрудником Дневного Дозора и что его действия и взгляды заслуживают доверия Инквизиции. Для разрешения формальностей присутствуют Инквизиторы: Рене Сен-Клер, Томас Бьорндален и Саймон Джонсон... то есть я. Также присутствуют сам Сергей Воробьев и его куратор в Дневном Дозоре Александр Агеев. Протокол ведет Астрид Ольсен.

За окном что-то ухнуло и стукнуло. Саймон Джонсон вздрогнул, перевел взгляд на голубя, озадаченно долбившегося в стекло.

Хорошая защита у нашего штаба. Магическая броня такая, что не продавить. Настроена по миллиметрам вдоль архитектурных линий небоскреба. Но от случайного попадания птицы никто не застрахован.

Хотя разве на свете бывают случайности? В том году меня допрашивали Инквизиторы и покруче этой троицы – так на них ворон прилетал.

Переглянувшись с Сашей, я невозмутимо поднял бровь и принялся ждать, какую формулировку изобретет Джонсон, чтобы еще больше затянуть задолбавший всех процесс.

Естественно, пражский Трибунал заинтересовался вопросом фон Шелленберга. К попыткам наказать выживших в инциденте они подошли со всей тщательностью. И конечно же, кое-кто в Европе, не лишенный интеллекта, сообразил, что в некоторых вопросах искать виноватых не стоит. Невыгодно. Трое европейских Инквизиторов прибыли в Москву вовсе не для того, чтобы мутить воду трехлетней давности. Хотя бы потому, что Инквизиция никогда не проводит серьезные заседания на внешней территории. А судить Темного Иного в его же московском штабе – задача не для слабонервных, хоть обвешайся регалиями с головы до ног.

Но вот небольшой цирк они могут себе позволить.

Рене Сен-Клера я уже встречал, здесь он был частым командировочным. Саймон Джонсон, насколько я помнил, сам раньше был всего лишь секретарем. Неплохую карьеру он сколотил. А господин Томас, с фамилией, плохо подходящей для российской фонетики, был мне не знаком.

По-русски все трое говорили сносно. Расширенный языковой пакет «Боширов» с углубленным изучением континентальных наречий им разрабатывали в Германии, получив транш на магическую лингвистику специально для нужд Инквизиции. Не знаю, кто там отвечал за

русский, но со своей задачей они справились превосходно. Вряд ли впредь кто-либо из сотрудников европейских филиалов станет изучать языки своими силами. Так что у покойного фон Шелленберга с его естественным знанием русского есть шанс войти в историю очередным динозавром, не ищущим легких путей.

Миловидная Астрид, фиксирующая нашу беседу, никакого отношения к Инквизиции не имела. Она являлась нашей сотрудницей, любила фенечки тонкой работы и коллекционировала упаковки какао со всего мира. Сейчас ее наманикюренные пальчики бегали по клавишам печатной машинки. Не любит Инквизиция компьютеры, предпочитает фиксировать на бумаге. Невозможность установки магической защиты на файлы из всех сделала параноиков.

– Я все же хочу уточнить, – подал голос Саша. – В чем причина повторной заинтересованности Инквизиции в вопросе Воробьева? Трибунал не удовлетворен его прошлогодними показаниями?

– О нет, Трибунал удовлетворен, – махнул рукой Джонсон. – Понимаете, вкрался мелкий технический нюанс. В тот день Сергей Воробьев все еще числился Иным второго ранга, а сейчас официально признан поднявшимся до первого. Иными словами, это новый процесс и новые протоколы. Чтобы избежать этого, я прошу Сергея еще раз рассказать, что случилось.

Пожав плечами, я дотянулся до стакана с водой и сделал глоток.

– Да без проблем, – сказал я. – Повторить так повторить. Я, Сергей Воробьев, Темный Иной первого уровня из Дневного Дозора Москвы, был свидетелем преступной аферы, проводимой Высшим Инквизитором Женева Максимом фон Шелленбергом.

Джонсон скорчил гримасу. Не обращая внимания, я продолжил:

– Максим фон Шелленберг открыл нечто в Сумраке, что условно можно назвать персонифицированным монстром. Мы – я и моя команда – называли его Баланс. Он никак не выглядит, потому что не имеет материального облика. Он живет в Сумраке и влияет на наш мир, действуя через неинициированного Иного, которым должен быть ребенок, родившийся от двух других Иных общего уровня, Света и Тьмы соответственно. Баланс вселял в их ребенка достаточные мотив и энергию, чтобы уничтожать других Иных. Фон Шелленберг захотел получить контроль над подобным ребенком – девочкой Кристиной. Он решил убрать всех, кто мог ему в этом помешать. Расправившись с дозорными Севастополя, фон Шелленберг захотел устранить других Иных, в числе которых был и я. Ему удалось уничтожить четверых из нас, прежде чем остальные смогли дать ему отпор. Фон Шелленберг был побежден, сдаваться отказался и развоплотился на четвертом слое Сумрака. Все.

Печатная машинка перестала стучать через две секунды после того, как я закончил говорить. То ли Астрид работала очень быстро, то ли помнила укороченную версию моего доклада наизусть. Могла бы просто сохранить копиру с прошлых заседаний.

Саймон Джонсон схватил папку, раскрыл ее, вперился в какие-то бумаги. Конечно, мой текущий отчет совпадал с прошлыми.

– Вы убили фон Шелленберга? – спросил Джонсон.

– Нет, – ответил я. – Говорю же, он развоплотился добровольно, отказавшись сдаваться в плен. Хотя мы с ним сразились, и я победил.

– Но вы ему помогли уйти в Сумрак?

– Да, я ему помог. И заметьте, что я не требую взамен право на вмешательство.

Справа от меня послышался смешок Александра. Джонсон покосился на него, перевернул страницу, провел пальцем до нужного имени.

– Вы разорвали связь между прежним ребенком Баланса и фон Шелленбергом? – спросил он.

– Если вы про Веронику, то нет, – пожал я плечами. – Лишь напомнил, что она может уходить. И она ушла.

– Ясно. Кто вам помогал в противостоянии фон Шелленбергу?

– Александр Морозко, Светлый. Лина Кравец, Светлая. Клумси, оборотень. Джонсон поднял на меня глаза.

– Это все? – спросил он.

– Анжела Возрожденная, – произнес я. – Светлая.

– Правда, что у вас с ней были личные отношения?

Пальчики Астрид застыли над клавишами. Озадаченно глянув на меня, Саша заерзал в кресле.

Лишь для меня вопрос не стал неожиданным.

– Вы закончили? – спросил я.

– Да-да, – заторопился Джонсон, посмотрев на часы.

Он встал и начал собирать бумаги в «дипломат». Господа Рене и Томас, не скрывая облегчения, выбирались из мягких кресел. Я рывком поднялся, кивнул Астрид, толкнул дверь, выходя в коридор.

– Серега, подожди, – услышал я Сашкин голос.

Настроение больше располагало к приему кофе, но я подождал своего куратора за дверьми. В конце концов, Саша мне даже немного польстил. Он наверняка имел что сказать Инквизиторам в плане их последнего вопроса, но предпочел сначала объясниться со мной.

– Слушай, выброси их из головы, – сказал Саша, идя со мной рядом. – Все кончилось. Трибунал снял обвинения. Все официально запротоколировано. Никто тебя не обвинит. Эти трое просто изводят казенную макулатуру.

Я молчал. Александр хлопнул меня по плечу.

– Не переживай, теперь мы тебя никому не отдадим, – сказал он ободряюще. – Не для того в тебя столько вкладывались. И хорошо, что ты не стал лишнего про ту Светлую болтать, как ее... Ведающая, да? С Ночным Дозором у нас никаких проблем нет по этому вопросу. Вот пусть так и остается.

– Поддерживаю, – сказал я. – Тогда и не поднимай больше этот вопрос, ладно? Пусть все так и останется. Кстати...

– Да?

– Зачем там эти часы?

– Какие? – не понял Саша. – Которые с кукушкой, что ли? Так это же древний детектор инквизиторских амулетов. Если заходит кто-то со снаряжением из спецхрана, то кукушка сразу вылетает – и ку-ку.

– Сносит врагу голову?

– Нет, конечно. Просто вываливается из часов и падает на пол. Но Инквизиторы все в теме. Если кукушка упадет из-за них, они будут опозорены. Потому они и не берут с собой амулеты на заседания... А ты что, не знал про эти часы?

– Нет, не знал.

– Ага, – кивнул Саша. – Все, с пришельцами покончено. Давай, тебя Корсар ждет.

– Что, уже? – удивился я.

– А почему нет? Ты сегодня в патруле, если забыл. И так два часа слили на клоунов. Все, давай.

Саша уверенным шагом направился вдаль по коридору. Я молча вдавил кнопку вызова лифта. Дверь открылась сразу. Вот за что я люблю наш офис, так это за приятные и полезные мелочи. Кабина автоматически меняет свое положение и ждет на том этаже, на котором наибольшая концентрация высоких Иных.

Если, конечно, в здании нет Высшего.

Глядя на невыспавшееся отражение в зеркале, я дернул себя за волосы и испустил тяжелый вздох. Вроде ничего и не случилось, а засело чувство, словно стремительно теряю форму. Или возраст сказывается. Пока кабина лифта плавно двигалась вниз, к подземному паркингу, я

чуть ли не физически ощущал растущее расстояние, отделявшее меня от европейских гостей. Когда же они отстанут? Инквизиторы и есть сущие сумеречные твари. Созданы, чтобы отравлять жизнь простым Иным.

Сашка единственный за меня стоял все эти три года. Один из пражских протоколов по моему делу пришлось даже корректировать на ходу из-за его пересменки. Так у нас называется короткий рабочий период, когда Иной раз в человеческое поколение принимает решение исчезнуть для простых людей и меняет фамилию со всеми личными документами, чтобы восстать из пепла истории как новая личность. Так уж сложилось, что Иной, остающийся молодым неоправданно долго, привлекает внимание всех своих знакомых, не имеющих отношения к магии. На пересменке разом обрывают все связи с прошлой жизнью, перенося в новую лишь посвященных Иных. Если на такое решается сотрудник Дозора, то он автоматически получает три недели отпуска на формальности, а его отделу устраивается роскошный банкет за счет фирмы. Особенно приятна нервная реакция Светлых – мы не обязаны уведомлять их о пересменках, и они никогда не могут знать, кто сейчас числится в нашем штабе и в какой роли. Вот так Сашка Шустов стал Агеевым, а Саймон Джонсон долго вникал в перечень изменений, которые теперь предстояло внести в материалы дела. Словом, веселая тогда выпала осень.

Двери лифта открылись, я запоздало придал себе нормальный вид.

Моя команда уже ждала меня во всеоружии. Корсар кивнул мне, держа руку на оттопыренном кармане куртки. Скажи мне пару лет назад, что оперативник Дозора вместо заряженных амулетов таскает с собой пистолет, – я бы расхохотался. Теперь уже нет. Время другое.

Шпунт и Джепп стояли так, словно держали взглядом пространство на триста шестьдесят градусов. Или готовились фотографироваться на обложку диска рок-группы. Плечом к плечу, в разные стороны. Я так и не разобрался, зачем они это делали. Все равно мы находились в месте, защищенном лучше, чем любое другое в Москве – не считая, возможно, штаба наших просветленных партнеров.

И все же я ощутил гордость за своих парней. Возможно, когда-нибудь испытаю ее и за себя – когда пойму, почему они согласны ходить со мной в дозор.

Этих троих, тогда еще потенциальных Иных, наш штаб обнаружил там же, где и многих остальных в последнее время, – среди российских войск в Сирии. Есть один момент, связанный с вербовкой Иных, о котором на занятиях «ночников» говорят вполголоса, а на наших – в полтора. Так вот, на войне Светлых нет. Неинициированный Иной, находящийся в состоянии военного стресса, с почти стопроцентной вероятностью превращается в Темного, за кого бы он ни воевал. Кому любопытный парадокс, а кому жестокая правда жизни. Причем началась подобная статистика недавно, с начала нулевых. Делить на правых и неправых теперь смысла нет – воюющие солдаты с любой стороны, внезапно превращаясь в магов, становятся Темными, и с этим ничего не поделаешь.

Естественно, такой расклад рушил весь паритет сторон. Мягко говоря, Светлые не поразовались тому, что солидная доля охотничьих угодий на планете потемнела. Так что вербовку на фронтах нам усложнили максимально, и просто чудом стало то, что Саша пробил три места в московский штаб. И не меньшее чудо, что все трое найденных оказались единой группой друзей, знакомых задолго как до встречи с нами, так и до собственной военной карьеры.

Корсар формально являлся военным пилотом, однако в основном занимался обустройством Хмеймима, мелькая на редких снимках разве что в качестве грузчика. При виде этих кадров у меня закралось стойкое подозрение, что парень просто позировал неопознанным беспилотникам. Подобной мыслью я не поделился бы даже с нашим штатным психологом, если бы он у нас был. Корсар так и не попал в летный состав, и у меня осталось подозрение, что его готовили для чего-то, чего даже Агееву знать нельзя. Зато теперь про Корсара в Сирии можно честно сказать: его там нет.

Шпунт зарекомендовал себя как опытный шофер, работая в основном водителем укрепленного медицинского фургона в Идлибе. Волею случая оказался рядом с упавшим вертолетом и примкнул к поисково-спасательной группе в момент эвакуации экипажа в Хмеймим, где и вышел на старого знакомого Корсара за пять минут до инициации последнего. Вот и пошел вторым номером, узнав о существовании Сумрака уже в процессе. Концепцию мира Иных Шпунт принял быстро, идею Великого Договора – не очень, а от Дозора и вовсе планировал отказаться, поэтому по прибытии в Москву проработал месяц таксистом, пока ему не наскучило. Оказывается, отслеживание линии вероятностей в московском трафике уничтожает всю романтику профессии. Приравнивание работы московского таксиста к романтике дало мне лучшее представление о мировоззрении Шпунта, чем его лаконичное досье.

Джепп участвовал в разминировании Пальмиры, сообщив мне это таким тоном, что стало ясно: стоит мне продолжить шевеление в эту сторону, и он заминирует мои зубы. Мне удалось раскопать много интересного, и все же я остановился на эпизоде, где этот невозмутимый мужик с пышными усами в момент, когда у него закончились противопехотные дроны, взял в руки автомат и погнал кучку игиловцев через подозрительный коридор. Собственно, по выплеску Силы в этот момент его и обнаружили. Очень заметный был выплеск. Настолько фактурный, что слепок ауры Джеппа, по счастью, снятый в этот момент, попал в учебники. Говорят, что тот коридор с тех пор чист.

Вербовка этих троих стала не единственным, что организовал Саша. Путем затяжной комбинации мотивов и приемов, доходящих чуть ли не до блефа и шантажа, он внедрил в годовую повестку Дневного Дозора программу всесторонней подготовки полевых агентов, где к изучению заклинаний добавлялись тренировки рукопашного боя и владение различными видами оружия. Перечень включал в себя также управление длиннющим списком транспорта, среди которого не было разве что грядущих воплощений большой фантазии Илона Маска, концепцию которых нам однажды выложил прорицатель пятого уровня, перекуривший спайса. Зато вертолеты и гусеничная техника имелись в нескольких вариациях.

Меня прогоняли через жесткий тренинг, и все, что я могу сказать о результатах: маневровый тепловоз понравился мне больше, чем помповый дробовик. Я никогда не спрашивал, почему именно меня с троицей относительно низкоуровневых новичков решили превращать в боевой отряд. И так было понятно, что после победы над Высшим Инквизитором и получения первого уровня я стал новой звездой – достаточно яркой, чтобы Аня из столовой регулярно напоминала мне о счастье отказа от сахара.

Все трое и впрямь оказались невысокого уровня Силы – четвертого. По сути, разница в магическом потенциале стала единственным, в управлении чем я превосходил этих парней. Если не считать, конечно, маневровый тепловоз.

Корсар, Шпунт и Джепп свои представления о субординации без проблем перенесли в Дозор. С милостивого позволения Сашки они стали моей командой. Общий язык мы нашли на удивление быстро – возможно, сказалась моя манера больше слушать профессионалов, чем говорить с ними. У них я мог бы поучиться гораздо большему, чем они у меня. Например, таким мелочам, как умению не держать руки в карманах, если не знаешь, куда их деть.

– Патруль? – спросил Корсар.

– Патруль, – подтвердил я. – Едем в Шереметьево.

– Из-за утреннего взрыва? – поинтересовался Джепп.

– Именно, – сказал я, глядя на стройный ряд свежевывмытых машин и выбирая нужную. – Там сейчас Светлые целители тусуются. Девять жертв, раненых все еще не сосчитали. Надо бы проверить, чтобы отработали строго в рамках.

– Не налечили слишком много, что ли?

– Наоборот, чтобы как можно больше. Ну и нам права заработали... Слушай, Шпунт, выбери машину сам, а?

Подмигнув, Шпунт направился к коричневому «Опелю», по пути бросив жадный взгляд на стоявший в уединении синий джип.

– Даже не мечтай, – сказал я. – Агеевская «Бентли» для нас закрыта.

– Да нет, шеф, тут лежит фактор самосовершенствования, – сказал Шпунт, открывая двери «Опеля» и садясь за руль. – Я управлял «Арматой», БелАЗом и батискафом «Консул», но за рулем «Бентайги» не был. А вдруг придется? Надо же как-то заполнить пробел в образовании.

– Восполнишь, если пробьешься через защиту, – сказал я, садясь рядом с ним.

– А не проще ли попросить ключи? – предположил Джепп.

– Подавай заявку, – предложил я выход. – Подпишу у Завулونا, положу на стол Агееву.

Как тебе?

Шпунт развел руками.

– Ладно, обойдусь, – сказал он, заводя «Опель». – Ну что, погнали?

– Давай, – кивнул я, настраиваясь на несколько часов рутины.

Но не успели мы выехать за территорию парковки, как в машине само включилось радио, и зазвучал встревоженный Сашкин голос:

– Воробьев и остальные, отбой! Срочно двигайтесь к «Федерации-Запад»! Нападение на команду Джонсона!

Глава 2

Не дожидаясь приказа, Шпунт рванул ручник, вывернул руль влево, и «Опель» помчался к выезду.

– Не спеши так, – сказал я. – Ща все выясним.

Придавив трубку телефона ближе к уху, я спросил:

– Есть детали?

– Никаких, – ответил Саша. – Получаем сигнал тревоги. Сами вот проверяем в реальном времени... Секунду. Если и впрямь наши гости послали, то там хреново все. Выброс Силы повышенный, все наши детекторы взбесились, словно там у них идет атака «ночников».

– А что, бывали случаи?

«Опель» остановился, и я чуть не выронил телефон.

– Не смешно, – буркнул Саша. – Короче, вы там скоро?

– Уже, – ответил я, выскакивая из машины и стараясь не отстать от Корсара.

Бывают моменты, когда я сам не могу навскидку разобрать, что происходит. Или на нашей группе висит невидимая даже для меня магическая завеса, или же четверо бегущих мужиков внутри «Федерации» были чересчур заурядным явлением, чтобы на нас кто-то обращал внимание. Сняв между озадаченными людьми, я решил, что надо было начальству не скучиться и купить соседнюю башню тоже. А лучше Сити целиком. Все будет меньше вопросов.

Но все равно толпа есть толпа, и, пока наша четверка добралась до лифта, мы упустили драгоценное время.

– Куда едем? – спросил Корсар.

– Мы со Шпунтом вверх, – сказал я. – Оставайтесь с Джемпом тут. Если все будет спокойно – двигайтесь к нам.

Когда двери лифта закрылись, я запоздало вспомнил, что ехать вверх нам придется долго, с пересадкой в другую кабину, располагающуюся в общей шахте с нашей. Однако Шпунт сумел удивить: как ни в чем не бывало вытащил из заднего кармана джинсов пластиковую карточку и прислонил ее к считывателю. Загорелся голубой огонек, и скорость кабины возросла.

– Что это? – спросил я.

– Вип-доступ на верхние этажи, – ответил Шпунт. – Прямой коридор.

– Откуда?

Шпунт заулыбался.

– Я в «Скай» записался, – сказал он, глядя на мое непонимающее лицо. – Качалка такая, там, наверху. Карточка с правом на скоростной лифт входит в абонемент. Вторая кабина прижимается к верху и ждет. Хочешь, вместе ходить будем?

– Умно, – похвалил я. – На Иных же качалка не действует.

– Устарели твои данные, командир, – сказал Шпунт с укором. – Для нас уже и форма отдельная производится. Захочешь – марку скажу.

– Может, позже, – буркнул я.

Труба в руке завибрировала.

– Да, Саша?

– Короче, наши «пиджаки» добежали до своих апартаментов в «Скае», – Сашкины обертоне с трудом прорывались через несколько слоев глушилок – лифт проносился на уровне нашего офиса в соседней башне. – Этаж пятьдесят второй. Сможете зайти по карте гостя, я вам допуск повешу на ксивы.

– Защита нашей конторы от магии на отель распространяется?

– Нет, конечно. Это же просто отель, там все чисто.

«Ну да, – подумал я. – Инквизиторы для экономии времени поселились по соседству с нами, но так, чтобы влияние Дневного Дозора до них не доставало. Не спать же им непосредственно в здании Темных».

Вот только что могло пробиться через собственную оборону Инквизиторов? И кто вообще мог захотеть напасть на них, да еще и здесь?

Кабина еле ощутимо замедлила ход. Я стал ближе к дверям, собираясь выходить первым. Створки дверей распахнулись в разные стороны, и я сразу увидел оборотня.

Нет, не в волчьей форме, но кто же способен здесь ошибиться? Типичная внешность вечно голодного до приключений, быстро дышащего парня или, как вариант, молодящегося ветерана пивных потасовок. Дешевая одежда, которую не жалко разорвать при внезапном перекидывании. Подергивающиеся пальцы с наскоро набитыми сезонными штамповками.

Ну и характерная аура оборотня, само собой.

Нас он явно не ожидал увидеть. Наверняка не столько охранял вход, сколько подстерегал возможную добычу вроде горничной или разносчика пиццы. Ненадежные солдаты из этих оборотней. Даже на работе норовят подхалтурить.

– Дневной Дозор, – сказал я ради приличия. – Предъявите вашу регистрацию.

Оборотень отскочил назад, на ходу стаскивая куртку и играя мышцами для устрашения. Вот идиот. Кто же перед боем тратит время на подобные мелочи?

– Уходите! – рявкнул он.

– Я ждал такого ответа, – сказал я, неторопливо отступая вправо, насколько позволяло пространство кабины.

Стоявший сзади меня Шпунт уже ухмылялся, вскидывая вперед руку с револьвером.

Грохот выстрела отразился от коридоров и утонул в мягких коврах на полу. Получив заряд серебряной картечи, оборотень с воплем опрокинулся на спину. Перекинуться он не успел. Но движения уже превратились в животные – волк в людском облике егзил всеми конечностями по ковру, пытаясь перевернуться на брюхо.

Хотя страдал он от внезапного ошеломления, а серебро его не особо побеспокоило. Это мне не понравилось. Шагнув вперед, я сложил пальцы в «тройное лезвие». Голова оборотня резко повернулась на левое ухо, когда три молниеносных магических импульса расплосовали ее правую часть. Ковер начал жадно впитывать красные брызги.

– Это как? – не понял Шпунт, недоуменно глядя на револьвер.

– У него была активная защита от серебра, – ответил я, наклоняясь над трупом и обыскивая карманы не успевшей разорваться куртки. – Он тут не один, их может быть группа. Возможно, с ними маг, питавший амулет, и теперь он знает, что мы здесь. Агеев!

– Я тебя слышу, – сказала трубка Сашкиным голосом. – Какой еще маг? Какая группа? Говори, что видишь?

– На случай, если мы не выберемся? – вымолвил я, подбегая к дверям апартаментов. – Один оборотень устранен. Развоплощать не стали – пусть потом эксперты осмотрят.

– Принято.

Шпунт повернулся ко мне.

– У него и впрямь амулет, – показал он на запястье оборотня. – Браслет выживальщика, только паракорд зачарован. Если тут другие с такими же бегают, то стволы бесполезны.

– Ясно, – решил я. – Значит, мага с ними нет. Кто-то снабдил их защитой. Ну-ка, прикрой. И я постучал в дверь. Тишина.

Что ж, всегда есть другие способы.

Поискав взглядом тени в коридоре, я не нашел ни одной. Мысленно представил пространство под ковром и потянул на себя. Вместе с тенью на меня нахлынул и запах пыльного ворса.

Сквозь Сумрак дверь выглядела полупрозрачной. Так случается, если ставить прослушку. Или же Инквизиторы отгородились на редкость слабыми заклинаниями. Я не стал рисковать – ушел на второй слой и прошел сквозь пустой проем.

Внутри никого не было. Сразу вернувшись в обычный мир, я открыл дверь изнутри и впунтил Шпунта.

– Здесь пусто, Саш, – сказал я в телефон. – Гости пропали. Что они вообще говорили тебе?

– Сказали, что на них напали магические террористы.

– А чего не русские хакеры? Может, они что-то с языком напутали?

– Об атаке кричал Сен-Клер, по-французски. Переводом занимались уже мы.

– Понятно. Погоди, я осмотрю номер.

Смотреть было особо не на что. Номер выглядел роскошным, хотя мне казался маленьким. Впрочем, кто я такой, чтобы судить? Сам полжизни провел в комнатухах поменьше.

На креслах стояли раскрытые чемоданы с дорогими шмотками. На плечиках у шкафа аккуратно висели костюмы. У широкой кровати стояла неуместная гладильная доска с растянутыми на ней брюками, которые совсем недавно отпаривали. Инквизиторы что, сами себя обслуживали? Я уже приготовился обнаружить в номере советский потертый кипятильник, но не нашел. Зато на столике разместились две бутылки «Бордо» и какие-то закуски.

– Вроде все нормально, – неуверенно сказал Шпунт. – Все как у людей.

– А двуспальный номер с одной кроватью они на троих сняли? – спросил я.

Шпунт озадаченно огляделся.

– Да, один на троих, – подтвердил Саша по телефону. – Не только у нас имеются командировочные ограничения. Европейцы умеют экономить. Очень своеобразно, но умеют.

– Ну и жуть, – сказал Шпунт.

– Действительно, – согласился я, и внезапная мысль пришла мне в голову.

– Слушай, Саш, – обратился я к куратору. – А точно ли на них кто-то нападал? Может, сняли проститутку, показали магические трюки, у нее оказался друг-оборотень, не понимавший юмора...

– Да ладно, – покачал головой Шпунт. – Тут все проще. Может, они просто там в «Авиаторе» зависают и угорают с нас.

– Я вам сейчас поугораю, – процедил Саша. – Радуйтесь, что разговоры ваши не записываются!

– Не кипятись, Саш. Могут быть варианты еще хуже.

– Какие, например?

– Очередная провокация. Фон Шелленберг ведь пытался намотить с документами по Крыму. Что, если...

– Молчать! – заорала трубка. – Ты, мать твою, вообще вкуливаешь, где находишься?! Вокруг вас могут быть магические предметы, фиксирующие разговор!

– Быть не может, – заметил я. – Эти, скорее, собственных глушилок понаставят.

В трубке что-то пискнуло. Поначалу я решил, что мой куратор лопнул от злости и отключился.

Оказалось проще – Корсар на второй линии.

– Слушаю, – сказал я.

– Мы просмотрели все магические следы ниже вас, – похоже, Корсар перекрикивал сторонние шумы. – Свежих сигналов не обнаружено. Можно вызвать спецов, пусть провентилируют.

– Мы здесь оборотня устранили, – сказал Шпунт.

– Оборотня? Как могли оборотни туда попасть?

– Сверху, – внес я идею.

Шпунт принялся оглядывать потолок, словно на люстре мог кто-то прятаться.

– Забудь, там никого нет, – сказал я.

– Там «Сиксти», – возразил Шпунт.

– Ресторан?

– Ага. У них же стеклопанель удобная. Попасть можно снаружи.

– А как тогда... – начал я, представив десант волков с воздуха, и умолк. По одной проблеме за раз.

– Пошли отсюда, – махнул я рукой, давая Шпунту сигнал идти сзади.

Но едва я высунул голову за дверь, как характерный свист заставил меня отпрянуть.

Шпунт перестарался – схватил меня за воротник, дернул на себя, убирая с опасной траектории, и мы чуть не завалились на спины. В дверном проеме, сминая ковер, пронеслась массивная звериная туша. Следом полыхнуло фиолетовым – в спину туше летело неизвестное мне заклинание.

Выхватив у Шпунта револьвер, я высунул руку в проем, пальнул дважды в сторону зверя. Попасть так куда-то было трудно, зато хоть дал понять магам справа, что я на их стороне.

Так или иначе, но оборотень попал под одну из атак, о чем мне поведал громкий скулеж. Я выскочил из номера, мигом ощутив отвратную смесь ацетона и паленой волчьей шерсти. Вроде и знакомые запахи, а вместе никогда их не ловил.

Справа от меня застыл Рене Сен-Клер с выставленной вперед пятерней. Он стоял в гостиничном халате со смешными синими дельфинами. На щеке застыла полоска пены для бритья. Оборотни застали его в расслабленном состоянии тела и духа, но он сумел вывести конфликт подальше от запертых в номере секретов.

– Саймон ранен, – только и сказал он.

– Проверь зверя, – хлопнул я Шпунта по спине, и парень припустил к шевелящемуся волку.

Я быстро подошел к Сен-Клеру, с умиротворением поднял руки. Он поглядел на меня с опасением, переходящим в страх. Наверное, с его точки зрения, было кого бояться. Сергей Воробьев, злобный убийца Высшего Инквизитора.

Однако мне было совсем не до скромности. Внезапно стало ясно, что все мои двухлетние парирования атак Инквизиции могут разбиться о любое мое неосторожное слово или действие, которое настроит этого напуганного француза против меня. Возможно, мне даже неправильно думать нельзя.

– Помощь уже в пути, – сказал я ему. – Одного из врагов мы обезвредили. Где мистер Джонсон?

– Я здесь, – хрипло вымолвил неожиданно показавшийся Инквизитор. Бледный, прижимавший левую ладонь к лицу. Промеж пальцев струилась кровь – редкое зрелище для сильного Иного. Для амбициозных и прогрессивных – и вовсе недопустимое. Ничто так не выдает нашу принадлежность к людям, как кровь.

Саймона шатало – он прислонился к стене, чтобы не свалиться. В отличие от Рене он все еще был в костюме. Дорогой пиджак пестрел множеством мелких порезов. Никогда не видел таких следов у волчьих когтей, тут явно что-то другое.

– Вы в порядке? – спросил я.

– Рене, – проговорил Джонсон, не замечая меня. – Они забрали ее.

Поначалу я не понял его слова – Саймон говорил по-французски.

– Что забрали? – спросил я.

Саймон пару мгновений смотрел на меня, словно вспоминая русскую речь, и затем произнес:

– Камчатку. Всю, целиком.

Он что, бредит?

Пора вмешиваться активнее, пока оборотни там не взяли вдобавок Сибирь. Я решительно прошел мимо Джонсона – оказывается, он спускался по технической лестнице. Так вот что здесь ацетоном воняло. Перепрыгивая через испачканные краской ведра, чувствуя пистолет в ладони и готовя пару атакующих заклинаний, я добрался до узкого служебного коридора.

На верхних ступенях меня ждало зрелище – неподвижно лежащий третий Инквизитор из компании, Томас. Он уткнулся взглядом в точку, явно стараясь не делать лишних движений. Как и Саймон, он тоже не успел переодеться, однако снятый пиджак был обмотан вокруг правого предплечья, чуть сочившегося кровью. Возможно, он так защищался от укусов. Простой и действенный способ. У Томаса дергалось веко, на лице расположилось несколько почти идеально параллельных царапин. В здоровой руке он сжимал комок каких-то ниток, и я опознал фрагменты уже знакомого браслета. Похоже, Томасу удалось сорвать их с противника, но мертвого оборотня я нигде не видел.

– Где они? – выпалил я.

Томас посмотрел на меня, не узнавая. Видимо, их с Саймоном все же настиг некий магический морок. Затем он слегка качнул головой в сторону пустого коридора, заканчивающегося разбитым окном.

Я лишь вздохнул, убирая револьвер Шпунта. словно чувствуя мое настроение, трубка зашипела снова.

– Что там? – спросил Саша. – Надеюсь, я не отвлек тебя от страшного боя?

– Да тут без нас разобрались, – сказал я. – Вызови костоправов на этаж. И портной бы не помешал.

– Портной?

– Нет времени объяснять, – сказал я и машинально посмотрел в другой угол коридора. – Просто сделай...

И тут трубка едва не выскользнула из моих пальцев. Моргнув, я решил, что поймал наваждение вместе с Инквизиторами.

В углу, где вдоль покрытой разводами стены валялись мешки со всяким ломом, копошился гигантский кот.

Если бы меня в то мгновение попросили, положив руку на распечатку Великого Договора, заверенную лично Завулоном, признаться, чем именно кот был занят, – я бы промолчал.

Потому что в данный момент я наблюдал, как кот беспокойно пытался разобрать переносную осветительную мачту. Он крутил все ручки, пытаясь вдавить пухлые лапы в кнопки, дергал за шнур, активно приподнимал мачту и стучал ее ножками о холодный бетон. Словом, вносил все большую дичь в происходящее.

– Клумси? – спросил я обалдело. – Это что, ты?

Кот повернулся ко мне, и я заметил, что поперек пасти он держит зубами блестящий продолговатый цилиндр. Вертикальные зрачки сверлили меня без особого воодушевления. Издав звук, который можно было бы принять за сдержанное мяуканье, кот демонстративно стащил с лапы оборванный браслет, нити с которого все еще сжимал Томас. Двигался он уверенно, даже нагло, словно демонстрируя, что это именно он участвовал в схватке.

Затем в воздухе мелькнул пушистый хвост, кошко-оборотень промчался к открытому окну и сиганул в проем.

Подбегая ближе, я выглянул наружу.

Хвостатый вор мчался вниз по вертикальной стене, пока его лапы не оторвались от стекла башни, отправляя пушистое тело в свободный полет. Пара мгновений – и кот пропал в сумраке.

Глава 3

Монотонные удары молотка эхом отражались от стен коридора, гремели, мешали думать. Трое рабочих в оранжевых касках невозмутимо пристраивали на дыру в окне кусок толстой пленки. Еще один громоздил рядом тележку с досками. Все выглядело настолько по-колхозному, что казалось, имидж здания вылетал со свистом в образовавшуюся дыру.

– Собственник этажа требует решать подобные вопросы поэтапно, – объяснил мне Саша. – Ты бы видел страховочные пункты в договоре на аренду. Дырки в окнах там тоже прописаны. Нормальное стекло завтра приделают. А пока что сойдет и пленка, на случай если снаружи нас снимает гугломобиль.

Сашка казался невозмутимым. Я знал, что стоит мне вымолвить хоть одно лишнее слово – и он собственноручно разгрохает весь оставшийся этаж.

– Тебя и этим напрягли? – спросил я.

– Чем?

– Ремонтными работами. Я знаю того мужика справа, он у нас оптоволокну проводил.

– Да, пришлось вызывать наших, – подтвердил Саша. – Те двое на стремянке не в теме. Простые рабочие. Но ты не переживай за мое напряжение. Поверь, теперь оно на весь наш отдел навалилось. И на тебя в том числе.

– Не то чтобы я спорил, но... – Я прислонился к стене. – Ко мне какие претензии?

– Ты виноват уж тем, что хочется нам кушать, – произнес Саша. – Формально нас не должны касаться проблемы соседей. На нашу беду, мы оказались рядом. Мы – Темные. Оборотни – Темные. А жертвами стали Инквизиторы. Насколько подробно я должен объяснять, почему мы конкретно попали?

– Подробно и не нужно, лучше объясни другое. Наш отдел действительно привлекли просто потому, что мы оказались рядом?

– Что ты имеешь в виду?

– Это не связано с делом фон Шелленберга?

– Понятия не имею, – сказал Саша. – Уверен, что нет. Или не напрямую. Не могу утверждать, что кто-то подозревает лично тебя.

Мне захотелось неслышно выдохнуть, но Сашу такими трюками не провести.

– И я тебе даже больше скажу... – Он почесал подбородок. – Дело твоего европейца вообще имеет малое отношение к визиту наших гостей в Москву.

– В смысле малое?

– Ну, вот так. Ты же не думал, что они специально прилетели в Россию с официальным визитом, чтобы потрепаться за дохлого коллегу?

Видимо, я настолько изменился в лице, что Саша даже сделал шаг ко мне.

– Знаешь что? – вымолвил я, чувствуя поднимающуюся неуместную горечь. – Если честно, то именно так я и думал. Потому что если меня зовут на официальное расследование Инквизиции с позволения Дневного Дозора и со всеми протоколами, то я не ищу в этом ширму для прикрытия других дел. Не думаю, что три года из меня готовили клоуна для реалити-шоу. Так что да, я относился к этому серьезно. А теперь ты говоришь...

– Стой, стой, – сказал Саша. – Я не совсем это имел в виду.

– А что тогда?

– То, что сегодняшнее разбирательство шло вторым пунктом в их повестке дня. Нападение они связывают с первым.

– Что было первым пунктом? Зачем они прилетали?

Саша долго не отвечал, что меня почти напугало. Я привык, что мой куратор либо знает, какую информацию мне доверить, либо нет. Сейчас он явно колебался.

– Я прочитал твой отчет о том, что ты видел и слышал два часа назад, – сказал он. – Шпунт отправился осматривать волколака.

– Все же это волколак?

– Да. Не самый сильный, но необузданный. Проходил по нашим базам. Значит, Шпунт не слышал, как вы с Джонсоном перекинулись парой слов?

Я начал усиленно припоминать, что наболтал в отчете.

– Он нес какой-то бред, – сказал я. – Что «они» взяли Камчатку. И обращался он вроде к Сен-Клеру, не ко мне. Меня рядом с ним словно не существовало. Хотя он почти сразу перешел на русскую речь.

– Да, – рассеянно кивнул Саша. – Все сходится. Саймон попал под какое-то дезориентирующее заклинание, от чего окружающий мир воспринимал с большим трудом. Тебя он и в самом деле не видел, что выходит из его доклада. И он в самом деле шел к Рене, потому что Томаса уже вырубил. Но что-то в тебе поставило его мозги на место, и он механически перешел на русский. Думаю, достаточным оказалось то, что к нему обратились на русском.

– Получился кривой перевод того, что он хотел сказать Сен-Клеру?

– Не кривой. Вполне буквальный.

– Что-то я не понимаю. Оборотни заполонили фарватер Охотского моря?

– Не совсем. – Саша вытащил из кармана телефон и вдавил кнопку сбоку, пока аппарат не выключился.

Я с сомнением посмотрел на строителей.

– «Сферу невнимания» повесить? – спросил я. – Мой мобильник штаб пока конфисковал, если что.

– Уже висит. – Саша повел рукой в воздухе, и я ощутил стойкий запах черники. Агеев встраивает его во все свои заклинания.

– Короче, дело вот в чем, – сказал он. – Инквизиторы прилетели в Москву, чтобы забрать из нашего штаба предмет особой важности. Уникальный образец новейшего зелья под названием «камчатка».

– Впервые слышу, – признался я.

– Немудрено. О нем на планете знают человек шесть. И двое из них сейчас в этом коридоре.

– Остальные трое – наши страдальцы, думаю. Тогда кто шестой?

– Надежно засекреченный создатель эликсира, – ответил Саша. – Глубоко законспирированный колдун.

– Понятно, – сказал я, ничего не понимая. – И что этот эликсир собой представляет?

– Это магический энергетик.

– И все? Вроде не сильно сурово звучит.

– Много ты знаешь магических энергетиков?

Я хорошо подумал и ответил:

– Ни одного.

– Вот потому впредь думай, прежде чем что-то ляпнуть, – отчитал меня Саша. – Согласно описанию, эликсир на время снимает ограничения на применение любой магии в рамках своего уровня. Колдуй сколько хочешь без усталости.

– Представляю, какой потом отходняк.

– Не представляешь. Потому что его нет.

– Что значит нет?

– То и значит. «Камчатка» – это не какая-нибудь «дурь», которая просто перераспределяет твои внутренние резервы магии за счет ее последующего упадка. «Камчатка» не черпает Силу из твоих собственных запасов. Напротив, с ней ты можешь черпать из Сумрака беско-

нечно. Как будто маги всего мира усердно вливают в тебя Силу, только сколько брать и куда тратить – решаешь ты один.

Вот тут я просто не поверил услышанному.

– То есть эта штука дает прямой доступ к магии, минуя все барьеры? – спросил я.

– Так точно.

– Это же невозможно.

– Хотел бы я, чтобы для мира Иных это и дальше оставалось невозможным, – сказал Саша. – Потому что именно на ограничениях, наложенных Сумраком, весь наш мир и стоит. А теперь есть технология, позволяющая его обойти. Обмануть Сумрак.

– Кто это создал? – спросил я. – Откуда эта штука в нашем штабе?

– У меня доступа к таким ответам нет. И полагаю, у тебя его тоже никогда не будет.

Я ожесточенно потер щеку, словно меня мучила зубная боль. Эликсир, снимающий все сумеречные барьеры. Без последствий. Да сам факт существования таких технологий порушит весь наш шаткий фундамент, даже безо всяких реально доступных эликсиров!

– И что теперь делать? – спросил я.

– Найти «камчатку», – просто ответил Саша.

– Как?

– Это надо у тебя узнавать как. От имени Дневного Дозора я поручаю тебе это дело.

– Почему мне?

Саша поманил меня пальцем. Когда я придвинулся, он сказал:

– Потому что ты в курсе существования этого эликсира.

– Значит, моя группа знать этого не должна?

– Ни знать, ни участвовать в твоём расследовании. Работать будешь сам, без группы.

– Совсем один?

– Зато с расширенными правами на вмешательства. Многого не обещаю, уровня до пятого, не выше.

– Ты издеваешься?

– К сожалению, нет. И потом, в твоём подозрении, что Инквизиторы попытаются впать тебе соучастие в краже эликсира, есть здоровое зерно.

– Это еще почему?!

Мой куратор посмотрел на меня с сожалением, словно я был его большой ошибкой.

– Ты совсем не соображаешь? – вымолвил он. – Да потому что этот твой Клумси был с тобой в Севастополе и присутствовал при смерти фон Шелленберга. Он по факту твой соучастник в том деле. А теперь ты находился с ним в одной комнате, когда он спер флакон с «камчаткой». Уже достаточно, чтобы пришить тебе новое обвинение, причем по весьма тяжелой статье.

– погоди! – Я поднял ладонь, стараясь скрыть ее дрожание. – Не ручаюсь, что с оборотнями был именно Клумси. В отчете я сказал, что...

– Верно, но оборотень в обличье кота известен только один.

Твою же сумеречную мать!

– Найди этого усатого, – сказал Саша. – Вытряси из него все, что сможешь. Верни флакон. И обязательно найди стрелочников. Интересы оборотней на таком процессе Москва учитывать не будет.

– Где же я стану его искать? – обреченно спросил я. – Саша, не знаю, что ты думаешь, но я не имею никакого отношения к нападению. Ни про какой эликсир я не слышал. С Клумси связей не поддерживаю с тех пор, как из Севастополя выбрался. Черт побери, я даже не знаю, где он шастал и чем дышал.

– Понимаю, – сказал Саша. – Теперь пойми и ты меня. Если ты попадешь под новый инквизиторский замес, я буду очень расстроен. Если попадешь как невиновный – то буду еще и сильно раздосадован. Но с тобой тонуть не стану. Дневной Дозор просто будет вынужден

сдать тебя. Мы и так серьезно вписались за твою шкуру. И не списывай все на мою Темную сущность. Самосохранение – оно у нас от людей.

Прошло полминуты, прежде чем я понял, что разговор закончен.

– Ну, тогда я приступаю, – произнес я, не имея ровным счетом никаких идей.

– Приступай, – сказал Саша. – Корсара и остальных я отправляю на взрыв в Шереметьево. Если они справятся без тебя – это, несомненно, поднимет твой боевой дух.

И он просто ушел вниз по ступенькам, осторожно обходя следы крови Томаса.

Я впился пальцами в волосы, страстно желая остаться одному. Строители, не видя меня через защитный барьер, перешли на матерное обсуждение работы с обильными вкраплениями политоты.

Есть что-то издевательское в «сфере невнимания». Когда она на тебе, ты вовсе не испытываешь блаженного уединения и не упиваешься властью, что можешь якобы подсмотреть все людские пороки. Они потому и пороки, что в них нет ничего приятного, пока их не начнут демонстрировать нарочно, подвергнув сначала огламуриванию. Зато есть ощущение, что все вокруг тебя не замечают, и это выглядит как издевательство и унижение. Люди начинают делать то, что и должны, когда считают, что рядом нет посторонних, – ведут себя естественно, вплоть до обсуждения вещей, которые ты знать не хочешь, и нескрываемых действий физиологического характера. Эти хотя бы просто болтали, пусть и мешали думать. Велеть строителям заткнуться я никак не мог и решил просто осмотреть место происшествия. Наш спецотдел уже прочесал все до последней плитки, но мне надо было с чего-то начать.

Итак.

Клумси, этот добродушный оборотень, которому Сумрак поручил превращаться в милого кота, связался с компанией мутных волколаков, чтобы попасть в самую настоящую группу захвата. Мишенью выступили ни много ни мало трое Инквизиторов с особыми полномочиями. Цель нападения – похищение особо ценного предмета, который вполне можно залегендрить как артефакт месяца. Место нападения – набитый людьми небоскреб в буквальном соседстве со штабом московского Дозора.

Самый нелепый и неподходящий объект во всей столице, чтобы устроить налет.

Самый нерентабельный груз.

Самые опасные противники, которые не забудут и не простят.

Быть не может такого, чтобы кто-то всерьез на это подписался!

Тем не менее нашлись желающие. Причем среди террористов – старина Клумси, который, судя по царапинам на лице Саймона, активно участвовал в боях с Инквизиторами, а с учетом того, что именно он унес «камчатку», получается, что он этими волколаками еще и руководил.

– Чушь какая-то, – вымолвил я, испытывая головную боль.

Самым неприятным в этой истории было то, что мне дали самую слабую из возможных зацепок. Нечего и заикаться о праве допрашивать Инквизиторов. Между тем вопросов у меня уже накопилось порядочно. Например, кто мог хотя бы задаться целью похищать этот чертов эликсир, если, по их же словам, никто в мире о нем не знал. Кем был его создатель, что он про все это думает? Действовали ли оборотни сами по себе, или же за ними стоят более могущественные маги?

На этот вопрос я мог ответить и сам. Конечно же, стоят. Как иначе? Разве что Клумси для чего-то понадобилась относительно неограниченная власть над Силой, и он решил вылакать «камчатку» сам.

Сам по себе факт знакомства с Клумси никак не мог мне помочь. Если нет каналов связи – считай, нет и знакомства. Напрямую позвонить я ему не мог, даже если бы и знал его номер. Если он носит мобильник вообще. Со спонтанной сменой одежды при каждом перекидывании иметь личные вещи затруднительно. Не исключено, что Клумси даже не мог принять человеческий облик, пока тащил в зубах флакон, так как имелся риск его потерять. Зато попасть с

ним на нижние слои Сумрака он мог без проблем, что делало невозможным преследование с моей стороны – если, конечно, у меня хватило бы дури выпрыгнуть за ним из окна.

Все же от подобных мыслей мне стало немного легче. Конструктивные размышления, несмотря на логические тупики, прояснили мое сознание.

Я оторвался от стены, прикинул расстояние от ступенек до окна. Как там было? Клумси увидел меня и пробежал дистанцию за пару мгновений.

Предположим, что Саймон спустился по ступеням сразу после схватки с Клумси: те параллельные царапины на его лице принадлежали кошачьим когтям, а не волчьим. Даже игнорируя поправку на шок Саймона, время реакции и расстояние, которое я пробежал по ступенькам наверх, – получалось, что кот находился наверху неоправданно долго, поскольку флакон уже был у него. Томас лежал без сознания. Рене был отвлечен схваткой с волколаком.

Ровным счетом никто не мешал Клумси покинуть этаж, а вместе с ним и здание.

Но он остался. Остался, чтобы крутить осветительную мачту.

Самой мачты на месте преступления тоже не было: спецы утащили ее в камеру вещдоков. При необходимости я смогу ее осмотреть... но нужно ли? Точно ли в мачте дело?

Сняв «сферу невнимания», я подошел к строителям.

– Мужики, – сказал я громко, и они посмотрели на меня безо всякого удивления. – А для чего тут был такой большой светильник? Лампы дневного света не работают?

– Работают, – ответил тощий мужик, дымя табакком. – Какой светильник? Валера, ты тут видел светильник?

– Здесь мачта была световая, – напомнил я.

Строители переглянулись.

– Не было никакой мачты, – заверил мужик. – Хотя стой. Ты про такие, с красным шнуром?

Я призадумался и кивнул.

– Век бы не видеть этой китайской параша, – от сердца сказал Валера. – Нет, здесь их не бывает. Им повышенная влажность вредна. Мы их в шкафу запираем.

– Вы уверены?

– У нас с этим строго. Сломаешь одну – платить будешь. Их по тендеру как закупили, так на откаты столько ушло, что цена им теперь как моя получка за три месяца.

– Спасибо, – сказал я, поворачиваясь к ступеням.

Вот те и раз.

Получается, светильника на момент нападения здесь не было. Клумси его нарочно приволол из шкафа, чтобы поставить и без цели крутить.

Не то место, не те объекты, не та цель. Крайне рискованная операция на грани полного фола. Чтобы в кульминации сражения возиться с китайской осветительной мачтой.

– Ах ты ж, зараза лохматая, – вырвалось у меня. – Не нужна была тебе никакая мачта. Ты просто время тянул. Ждал, пока я приду с нижнего этажа.

Внутри моей головы словно ползал синий мох – до того явственно я ощущал бешеное движение мысли. Клумси знал о моем приходе и хотел видеть меня свидетелем того, что он сделал. Хорошо. Вот ты дождался, я пришел. Что ты сделал дальше, приятель?

Повернулся и сбежал.

Но перед этим...

– Но перед этим ты стянул с лапы остатки защитного браслета, – пробормотал я, развернулся и побежал к выходу.

Глава 4

Петр Ильич, наш патологоанатом, стащил с волколака покрывало, тщательно встряхнул ткань, сложил рядом на тумбочке. Снял очки и поместил в карман халата. Никогда не понимал, зачем Иным халаты на работе. Не могут же они хватать инфекции от тех, кого им обычно приходится осматривать. Да и посетители нашей анатомички никакими заразами не страдают.

– Оборотень, по местной классификации – пятого уровня, – начал Ильич. – Регистрационная печать отсутствует. В теле одна серебряная пуля, пущенная из револьвера. За баллистику не ручаюсь, но похоже на «ратник».

– «Ратник», «ратник», – подтвердил я. – Это наше штатное оружие. Переделанное травматическое, но для серебра и такого вполне достаточно.

– Я знаю, – покосился на меня Ильич. – Уже одиннадцатый раз, как имею счастье выковыривать ваши средства подавления из оборотней.

– На мою долю запишите только шесть, – утешил его я. – За остальные ответственна моя команда.

– Как вам будет угодно. Так вот, оборотень, несмотря на пулю, скончался не из-за нее. Смерть наступила из-за обширного внутреннего кровотечения, вызванного зарядом «полуночной сакуры».

– Чего-чего зарядом?

– «Полуночной сакуры», – повторил Ильич. – Заклинание из арсенала Инквизиторов.

– Первый раз слышу.

– Я тоже. Да и вижу впервые.

– Тогда как вы узнали название?

– Александр мне сообщил.

Я кинул взгляд на мертвую тушу. Ожоги выглядели как от вполне стандартного файерболо. Возможно, Инквизиторы использовали не прямую магию, а собственные атакующие амулеты, просто не сочли нужным нам о них сообщить. «Полуночная сакура», надо же. Интересно, Рене сам спешно придумал название, или у них в самом деле есть подобное? Как же тогда оно по-французски звучит?

– При нем что-нибудь было? – спросил я.

Ильич кивнул на столик с пластиковой корзинкой, наполненной кучей рваного тряпья. Знакомая картина. Оборотни при перекидывании оставляют кучу лохмотьев – все, что остается от одежды. Потому и предпочитают таскать вещи разовые, которых не жалко. Из-за них в последнее время в Москве появились даже лавки подходящего дешевого тряпья.

Наш отдел когда-то пытался продавить обязательную маркировку одежды, наиболее часто используемой оборотнями Москвы. Для этого был даже разработан проект целевого брендинга, включавший в себя фэшн-раскрутку. Напечатали буклетиков, чтобы раздавать их всем оборотням при получении ими лицензий на питание. Дескать, вот вам, оборотни, адресок нового салона с широким ассортиментом одежды и кучей бонусов за приведенного друга. Одежда наша хороша и придется по вкусу даже самому привередливому клиенту. Нигде ничто не натирает, не жмет, при перекидывании моментально расходитя по швам, обеспечивая суставам непревзойденную свободу.

Одна проблема – поскольку лицензированием оборотней занимается Ночной Дозор, то и программу следовало проводить в их приемной. На это Светлые не пошли. Так что теперь мы имеем дело с неподвижной тушей и корзинкой с лоскутами, по которым невозможно что-либо определить.

Давя внезапную брезгливость, я взял пару новых хирургических перчаток, натянул на руки и принялся копаться в вещах. Ильич молча наблюдал за мной, пока я не вытащил то,

что искал, – обрывки паракорда. То ли при смерти владельца, то ли по истечении времени, но магию в себе он уже не сохранил. Жаль. Можно было бы поймать след. Хотя магические ли следы мне нужны?

Я покрутил паракорд в руках, посмотрел на свет. Филигранная работа. Подобный срез я еще не видел. Сплетен не просто вручную, но и с неким изяществом и даже любовью к процессу. Нет, это не аксессуар из магазина спорттоваров с наложенными заклинаниями. Его изначально сплели из уже зачарованной нити.

– Вы когда-нибудь видели подобное? – спросил я.

– В амулетах не разбираюсь, – ответил Ильич. – Вот про характер ранений спрашивайте сколько угодно.

– Я подозреваю, что как раз с характером ранений что-то не так, и именно из-за этого амулета. Петр Ильич, я прошу вас вообразить, какими должны были быть повреждения от сочетания «полуночной сакуры» и моего выстрела, и сравнить с имеющимися. Это поможет понять, как сработал амулет.

Ильич задумался на минуту.

– Трудно сказать, – вымолвил он. – У оборотня имелись и старые раны. Некоторые из них дали о себе знать снова. Может быть, «полуночная сакура» так и работает. Чтобы точно сказать, мне надо знать определенно.

– То есть от атаки Инквизиторов амулет не защитил?

– Получается, так.

Я снова покрутил остатки браслета, взялся за концы, потянул в стороны. Как и положено подобной вещи, нитки послушно поддались, стремительно расплетая узор.

– А если сравнить этот труп с теми десятками, что вы видели ранее? – спросил я без особой надежды. – Что тогда? Есть ли зацепки?

– Я не могу помнить столько деталей. Если хотите, подниму архивы...

– Не нужно. Просто скажите, что вам придет в голову. Чем данный конкретный экземпляр отличается?

– Да ничем, – ответил Ильич. – Обычный дикий волколак. Крупнее, тяжелее, медленнее. Когти тупее. Зубы тоже. Не сказал бы, что перед нами лежит элитный солдат. Вам без меня виднее, чем он отличился.

– Возможно, вы правы, – вымолвил я, стараясь не потерять мысль. Вытащив небольшой фонарик, я внимательно осмотрел когти волколака. Покрывают опилками, деревянными и пластиковыми, испачканы в бурой крови. И затуплены.

– Припадении вскрылись старые раны, – бормотал я. – Когти внезапно затупели – уже после того, как пропороли обычное дерево и пластик. Говорите, зубы тоже?

– И зубы.

– Ага. И паракорд разорвался. Получается, амулет его не просто не защитил. Напротив, он его добил.

– Добил? – удивился патологоанатом.

– Именно. – Я выпрямился. – Кто бы ни дал оборотням амулеты, он этим не столько усилил их, сколько снизил их боевые качества.

– Зачем?

– Понятия не имею. Спасибо, Петр Ильич.

С обрывком браслета я пошел к лифту, вытаскивая телефон, любезно возвращенный мне штабом.

– Саша, – сказал я. – Как думаешь, можно подключить к расследованию Астрид?

– В каком качестве? – устало спросил куратор. – И зачем?

– В качестве моего временного аналитика. Ничего секретного я ей не скажу. Нужно быстро прошерстить кое-какие базы по Москве, а обратиться к ребятам не могу.

– Астрид, значит. Дай подумать. Она была допущена к Инквизиторам... можно, наверное.
– Благодарю. – Я выключил связь, прежде чем Саша снова о чем-нибудь не спросил.
Одного я не сказал своему куратору – что милостивая машинистка была в какой-то степени нужна мне еще и как поклонница мастеровой бижутерии.
Интересно, понимает ли Астрид в плетеных украшениях?

* * *

При повороте входной двери зазвенел подвешенный к ее верху колокольчик. Нанизанный на блестящий гвоздь череп заискрился красными глазницами. Наконец мой приход засвидетельствовал доносящийся с потолка волчий вой.

Я знаю пару человек, которые превратили бы все это в добротную сигнальную систему, не только возвещающую о приходе покупателя, но и вываливающую про него всю подноготную: уровень Силы, цвет ауры и даже намерения. Знаю также, что никто из них не поставит подобную охранку в простую лавку амулетов, работавшую по урезанной лицензии. Так что особых сюрпризов не ожидал и даже вовсе снял руку с револьвера под плащом.

В воздухе чувствовалась слабая магия, исходящая от множества предметов самых разных культур, развешенных по сотням крючков в стенах. Разумеется, не все они были заряжены – в лучшем случае каждый десятый, иначе поплохело бы даже человеческому инспектору по миграции. В остальном это был обычный полуподвальный магазин, где резкие пороги у входа занимают добрую треть всего помещения.

Раздвинулись занавески из бамбуковых палочек, пересыпанных синими бусами. Передо мной возникло дивное существо, которое без надетых рогов суккуба вполне можно было бы принять... да, за суккуба без рогов. Прикрывая дверь, я шагнул поближе и понял, что передо мной все же стоит миниатюрная, хорошо сохранившаяся Темная, выглядящая лет под сорок – очень мягкие сорок, даже манящие, ставшие редкостью в век злоупотребления косметикой. О ее естественном возрасте, конечно, я мог только догадываться. Но гадать почему-то не хотелось. Мне редко удается видеть Иных, настолько гармонично смотрящихся в драконьих кимоно с четырьмя поясами, нескольких ожерельях из разных эпох, серьгах в форме оранжевых пауков и множестве гусиных перьев, торчащих из прически на индейский манер. На фоне этого великолепия рога суккуба даже немного терялись.

– Добро пожаловать в лавку «Барабака», – сказала она мило. – Я Скво.
– Сергей Воробьев, Дневной Дозор. С таким названием вам нужна собака.
– Зато я всегда знаю первую фразу клиента. – Хозяйка стала за прилавок, блистая довольной улыбкой. – Выбирайте наши обереги, буду рада ответить на вопросы.
– Вопросы у меня имеются, – сказал я. – Что до оберегов, то один мой шерстяной знакомый уже выбрал их за меня. Это случайно не ваша работа?

Я положил перед ней обрывки амулета.

– Моя, – тут же ответила Скво, взяла амулет и начала рассматривать. – Бедненький, что же с тобой стало?

– С ним еще и поговорить можно?

– Все в мире отвечает, если правильно спросить.

– В таком случае я попробую спросить как можно правильнее. Кому ты продала этот браслет?

Скво посмотрела на меня со всей любезностью.

– Пить травяные настои я не стану, можешь не предлагать, – предупредил я.

– И в мыслях не было, – ответила Скво. – А почему бы тебе не спросить своего знакомого, где он взял мой браслет?

– Потому что поговорить с ним не так просто. Возможно, ты знаешь его. Зовут Клумси, оборотень. Превращается в огромного кота.

Скво прыснула со смеху и прикрыла губы.

– Никогда не слышала, – ответила она.

Мне показалось, что она говорит правду.

– А кому тогда ты продала браслет?

– Таких браслетов у меня было несколько. Не могу сказать точно, кому ушел этот.

– Не верю, – отрезал я. – Мастер всегда узнает свою штучную работу.

– И я узнаю, если увижу ее целой. Ты принес мне лишь кусок. Видишь, тут змейка разошлась. И темляк оторван. Теперь это просто хлам. Можно выбросить.

– Не особо ты ценишь свой труд.

– Я вижу, что браслет выполнил свое предназначение. Разрядился, спасая хозяина. О чем я должна сожалеть?

Вздыхнув, я уперся ладонями в холодное дерево прилавка.

– Слушай, Скво, я не стану ничем тебе угрожать. Даже не прищю тебе сопротивление расследованию Дозора. Просто пойми одну вещь. Есть вероятность, что, независимо от моего желания, к тебе придет Инквизиция и задаст те же вопросы. И тогда тебе придется искать новые пути, как заставить мир ответить. Лучше тебе достучаться до мира прямо сейчас.

Мне показалось, что при словах про Инквизицию перья на голове Скво чуть интенсивнее шевельнулись. Она взяла амулет, поднесла к щеке, прикрыла глаза.

Я ждал.

– Браслеты – это лишь заготовки, – сказала она. – В каждом из них своя. Ее можно распознать. И тогда я вспомню, кому продала амулет. Если послушать, то я услышу.

– Амулет уже проверяли на след, – пояснил я. – Так что...

– Тш-ш... если спросить, мир ответит. Но я должна слушать.

Чтобы не мешать ей, я отвернулся и стал смотреть в узкое вертикальное окно на двери. На город быстро наваливались сумерки.

– Все, поняла, – вымолвила Скво.

– Неужели? – удивился я. – Мир заговорил с тобой сквозь энергетiku паракорда? Ты почувствовала магический след торсионных полей?

– Да нет. Просто амулет вспомнила.

– И помнишь, кто его покупал?

– Есть одна девочка, заказывала у меня сразу пять штук. На сочетание защиты и атаки. Мне пришлось лицензировать вмешательства шестой степени, так что стоило это дорого.

– Так кто его брал? Что за девочка, как зовут?

– Сид с острова Сид. Так она себя называет.

Должно быть, я растерялся слишком явно. Скво при виде меня едва не выронила браслет.

– Точно травяного чаю не надо? – заботливо спросила она. – Что-то тебе нехорошо.

– Надо, но не буду, – вымолвил я. – Сид... так это Сид заказала амулеты? Зачем?

– Вижу, вы с ней знакомы.

– Да, – кивнул я. – Были когда-то. Но амулеты... и часто она покупает тут такие штуки?

– Заходит иногда за атрибутикой для себя и ребят из группы, – сказала Скво. – На той неделе купила у меня три ловца, мишуру для комбика и чучело совы на стойку.

– Стоп, – сказал я. – Какого комбика? Какой группы? Ты о чем вообще?

– Музыкальной группы, – объяснила мне Скво. – Сид поет с ребятами. А ты о чем подумал?

Я забрал с прилавка браслет. Сунуть в карман мне его удалось лишь с третьего раза.

– Неверно понял слово «группа», – выговорил я. – У Клумси тоже была... группа...

– Темный, ты здоров?

- Как никогда лучше. И где мне искать Сид сейчас?
- У нее выступление сегодня, – ответила Скво. – Флаер дать?
- Давай.

На прилавок лег цветной лист хорошей бумаги с изображением мутного силуэта со спины и названием, написанным до того чудовищным шрифтом, что я не смог его разобрать. Зато адрес выглядел вполне обычно.

- Клуб «Мундус» в Некрасовке? – спросил я. – Никогда не слышал. Что там?
- Концертная площадка, – ответила Скво.
- Слышу подвох в твоём голосе. И для кого эта площадка?
- Для тех, кого не услышал мир.

Тихо прокашлявшись, я сдержанно кивнул и пошел к выходу. Красноглазый череп, казалось, смеялся мне в спину.

Глава 5

Место, называемое клубом «Мундус», спряталось, как полагается, у всех на виду – на первом этаже недостроенного дома на улице Вертолетчиков. Иные, особенно Темные, могут устроить себе базу где попало – от пустыря до президентской дачи. Но назначить тусовочным пунктом нижний этаж высотки, которой до завершения не хватает примерно верхней половины, – это сильно даже по меркам низших Иных. В равной степени смело и отчаянно.

Бросив служебный «Форд» за пару кварталов, я проделал оставшийся путь пешком. Наши машины фонят защитной магией, выдавая Дневной Дозор лучше самых ярких воплей. Хотя вламываться в клуб, или что бы им там ни называлось, я все равно не собирался. Как раз по дороге продумаю, в каком качестве я предстану перед посетителями – как лицо официальное или же застигнутый превратностями судьбы усталый путник, случайно нашедший пригласительный флаер в магазине по продаже всякой чертовщины.

И все же, когда перед моим взором вырос желтого вида недострой, больше смахивавший на выживший в ядерном взрыве гигантский уют, я не то что не собрал мысли в кучу, а напротив – растерял остатки духа. Все же нельзя смешивать работу и личную жизнь, даже когда элементы этой жизни остались в далеком прошлом, а работа еще только предстоит. На некоторые встречи сил хватает с натягом даже у Темных.

Сид с острова Сид. Снова.

Вход в «Мундус», конечно же, представлял собой наглухо запертую дверь. Сверившись со схемой на флаере, я приготовил удостоверение дозорного и даже расстегнул две пуговицы на воротнике рубашки. Я вовсе не собирался ее снимать, чтобы показать печать, но внешняя демонстрация готовности это сделать уже сама по себе служит хорошим тоном. По крайней мере в остальных притонах Москвы все именно так.

В дверь пришлось стучать четырежды. Мелькнула створка смотровой щели, которую я сначала даже не заметил.

– Кто такой? – спросил голос без эмоций.

Я молча показал флаер.

Дверь открылась, и в проеме возник дядька до того пузатый, что протиснуться он мог разве что боком. Как и следовало ожидать, дядька был бородат, даже чрезмерно, а также немного плешив и имел несколько заспанный вид. Из карманов штанов торчало по раскрытой пачке чипсов. По мне – достаточно характерные детали, чтобы при случае описать его Агееву, но и они меркли перед тем фактом, что дядька не был Иным. Меня встретил самый обычный человек.

– Концерт через двадцать минут, – предупредил он.

Словно в подтверждение его слов пол завибрировал раскатистым басовым гулом, которому вторили удары малого барабана.

– Я подожду, – сказал я и добавил: – Выпить тут можно?

Секунду помедлив, дядька открыл дверь шире. Между его необъятным пузом и стеной я пролез с большим трудом.

– В музыкантов не стрелять, – предупредил он.

– Постараюсь, – пообещал я, оправляя плащ.

Как он узнал про «ратник» в кобуре за поясом? Пузом почувствовал, или охранные амулеты везде понатыканы? Или просто дежурная фраза любому посетителю?

Впрочем, если местной забегаловке защиту ставила Скво – мне надо бежать отсюда без оглядки, как из потенциальной зоны военных действий.

Зайдя внутрь, я с порога осмотрелся и испытал острое желание расстегнуть на кобуре пуговицу. Да уж. Приняв «Мундус» за притон, я ничуть не преуменьшил.

В воздухе стояла смесь табачного дыма, концертного дыма и просто дыма – из тех, что продаются в лавках вроде «Барабаки» в виде одноразовых декоративных амулетов. Сквозь завесу лениво пробивались разноцветные лучи прожекторов. Прямо передо мной лежало тело, грызущее сырую баранью ногу. Неподалеку двигались два силуэта, сцепившиеся в мордобое. За действием следили с полдюжины посетителей, чья аура выдавала разные виды магических и вполне людских болезней. Всего же, судя по очень приблизительному беглому подсчету, здесь шаталось существ пятьдесят.

Кто-то при виде моего плаща попробовал меня просканировать и сразу бросил это дело. Тоже знакомо. Распознать во мне Иного первого уровня может разве что тот, кто сам не ниже третьего, да и то если постарается, а встретить таких в подобном месте очень даже непросто. Всякий, чья аура заведомо выше твоей, – опасный противник, которого лучше не провоцировать. С другой стороны, везде хватает психов. Я не был уверен, не принадлежу ли к их числу, раз пришел сюда.

Просторный, но кажущийся узким из-за гигантских предметов интерьера зал навевал приступы клаустрофобии. Судя по гнилым стульям, брошенному на бетон оборванному ковровину и каким-то совсем доисторическим обоям на фанерных шкафах – место это когда-то оборудовали бомжи. Затем их, видимо, выгнали всякие нелегальные вампиры, инкубы и прочие лешие. А может, и не выгнали. Может, сожрали. Или вовсе оставили там же, где они и доживали свой век. За возможность обратиться в Иного, пусть и низшего, многие продали бы остатки непропитой души. Хотя именно перспектива вечного отказа от алкоголя как раз многих и останавливала от этого шага.

Хорошо, что я не низший.

Подойдя к барной стойке, я уселся на вертящийся стул между двумя молчаливыми бродягами.

Бармен – ничем не примечательный Иной седьмого уровня – посмотрел на меня безо всякого интереса. Я собирался напрямую спросить, где искать Сид, но вместо этого произнес: – Пива.

Он вытащил жестяную банку «Балтики», вскрыл ее, поставил передо мной. Я бросил на стол какую-то купюру, повернулся, стал смотреть на сцену, где басист в балахоне регулировал длину светящегося гитарного ремня.

Неужели мне, прежде чем спросить про Сид, непременно надо выпить?

– Первый раз у нас? – обратился бармен.

Кивнув для глубокомысленности, я принялся ловить драгоценный холод запотевшей банки.

– На Сид раньше больше народу ходило, – продолжал бармен. – Сейчас почти нет никого. Вы слышали, как она поет?

– Нет, – признался я. – И группу раньше не видел.

– Обязательно послушайте.

– Послушаю. А можно эту вашу Сид увидеть? Хочу выразить одобрение.

Похоже, бармену эта идея не понравилась, но возражать он не стал.

– Примерка там, – показал он рукой.

Интересно, как быстро он прочувствовал сотрудника Дневного Дозора? Или тоже попробовал просканировать так, что я не заметил?

Или же все намного прозаичнее, и меня здесь просто знают в лицо. Сам же сказал – все как в других забегаловках Москвы.

Быстро допив банку, я поставил ее на стойку, слез со стула и пошел вдоль дребезжащих колонок к гримерке, стараясь ни на кого не наступить. Толкнул спрятанную в тених дверь, измазанную грунтовкой и обклеенную обрывками газет.

Я оказался в коридоре с рядом зеркал, заблокированном с противоположной стороны грудой старых кирпичей, отчего место выглядело как заброшенный на сорок лет проход к закулисью кабаре.

Подобно живому, идеально реконструированному воплощению моих воспоминаний, Сид стояла перед зеркалом – высокая, худая, пытавшаяся застегнуть широкий ремень поверх длинного, до пят, зеленого платья, покрывавшего все тело и даже увенчанного неким подобием капюшона.

– Здравствуй, Сид, – сказал я.

Поворот головы – и на меня уставилось знакомое лицо. Чуть насмешливое, чуть удивленное.

– Привет, Серег, – сказала Сид, возвращаясь к ремню.

– Я не помешал?

– У меня сейчас выход. Но ты садись, рассказывай. На концерт приехал?

Я обошел ее, чувствуя аромат шалфея и тимьяна, и спросил:

– Розмарин закончился?

– Розмарин Диана забрала.

– А кто это?

– Ты не знаешь, да? После концерта тебя со всеми познакомлю. Ребята чудесные.

– Понятно, твоя группа. Сид, когда мы виделись в последний раз?

– Я не считала.

– Но подсчитать сможешь, если захочешь.

– Если захочу. Не думаю, что это случится, столько не живут.

– Ты права.

Пряжка ее ремня наконец стала на место. Тонкие пальцы Сид прошлись по талии, разглаживая платье.

– Зачем ты пришел? – поинтересовалась она.

Я положил перед ней браслет и спросил:

– Твой?

Сид поправила капюшон, взглянула на себя в зеркало внимательнее. Взяла браслет, осмотрела.

– Мой, – сказала она. – Ты ходил к Скво?

– Ходил. Занятная у тебя поставщица. Воображает себя вождем краснокожих?

– Где ты видел краснокожих в Бутово? – удивилась Сид. – Скво – это производное от «скворечник». Полной истории ее имени ты не дождешься.

– Надо было спросить у нее самой. В обмен на историю твоего имени.

– Я бы тебя развоплотила.

Сид снова осмотрела браслет и спросила:

– На ком нашел?

– Странно, что ты не спросила «где».

– Тебе еще что-то странно?

– Многое. Например, зачем бывшей преступнице, возглавлявшей банду, а теперь поющей в каком-то клоповнике, внезапно понадобились тактические амулеты. Не потому ли, что она осталась той, кем пообещала перестать быть?

– Я выполняю обещания, – спокойно сказала Сид. – А браслетов этих я действительно заказала несколько. И да, они мне нужны именно для музыкальных выступлений.

Мне нужно было забрать браслет обратно, но я не стал этого делать. Меня не покидало ощущение, что я вернул хозяйке ее потерянную вещь, так что я просто сказал:

– За все наше короткое общение было несколько раз, когда я мог довериться твоему слову. Каждый раз я доверял, и жалеть мне не приходилось. Сид, могу ли я доверять тебе сейчас?

– За такие вопросы могу перестать доверять тебе я, – ответила она, глядя в глаза. – У меня в группе двое магов, вампир и Диана.

– А Диана кто?

– Ты уже спрашивал.

На миг запутавшись в мыслях, я открыл рот, но Сид продолжила:

– Так вот, мы все – Иные. У меня уровень хоть не вырос, но и не снизился. Знаешь, как мы свое выступление проводим? Выплескиваем Силу. Сначала понемногу, но на пике вкладываем ее в каждую ноту, каждый слог, каждый жест. Мы высвобождаем себя. И, чтобы до зрителей все дошло как надо, нам требуется равная помощь как в сдерживании себя, так и в выплеске. Раньше приходилось следить за тем и другим сразу, но концерты шли коряво. А с амулетами Скво мы просто стали собой.

– Теперь понятно, – сказал я. – Похоже, они тебе были нужны. И все же ты их кому-то отдала.

– Отдала.

– Могу я узнать кому?

– Одному знакомому оборотню.

– Уже теплее.

– Он оборачивается в кота. Зовут Клумси.

Я не стал сдерживать облегчение на лице, надеясь, что не покажусь неискренним. Потому что на меня в самом деле накатило умиротворение.

– С тобой всегда было легко и просто общаться, Сид, – сказал я.

Сид с полуулыбкой сделала неопределенный жест, который можно было принять за укоряющий.

– Зачем усложнять бытие? – изрекла она.

– И в самом деле незачем. Где я могу найти Клумси?

– Там, где он часто бывает.

– И ты знаешь где? Ты мне скажешь?

– Да и да.

– Отлично!

– Не торопись так, – остановила меня Сид, перехватывая шпильками волосы под капюшоном. – На этот раз я хочу кое-чего взамен.

– Да неужели?

– Ты слушаешь наше выступление.

– Но...

– Я настаиваю.

Пол содрогнулся от нескольких ударов бас-бочки.

– Сид, у меня мало времени.

– А у меня его нет вообще, мне уже надо выходить.

Сунув браслет за пояс, она повернулась ко мне всем телом.

– Ты слушаешь всего одну песню, – сказала она. – Такова моя цена. И после я скажу тебе, где искать Клумси.

Делать было нечего. Я молча вышел из гримерки, утешая себя, что у меня слишком мало времени, чтобы разговаривать Сид любым другим способом. Но это был самообман. Я слишком хорошо ее знал.

Ладно. Одна песня ничего не решит.

Когда я вернулся в зал, в нем стало ощутимо теснее. Или я в гримерке провел больше времени, чем думал, или же завсегдаги «Мундуса» собираются в точности под выход Сид. Воздух окончательно смешался с дымом, и рассмотреть что-либо можно было только на сцене. Мне захотелось еще пива, но я не стал уже продираться к бару.

Барабанная установка возвышалась на небольшом помосте. За ней, едва видимая, топорщилась вампирская аура. В полумраке мелькали белые клыки, когда на них случайно падал луч прожектора. Двое гитаристов в балахонах тоже имели ауру Иных – один шестого уровня, второй седьмого. Их лица скрывались под ниспадающими капюшонами. А где эта Диана?

Внезапно зашипевшая дымовая машина пустила мне прямо в лицо заряд выпаренного глицерина. Я закашлялся, зато вместе с ароматами сцены пришел розмарин. Значит, Диана где-то рядом. Приглядевшись, я рассмотрел у правого динамика невысокую девушку с дредами до пояса и скрипкой в руках. Любопытство взяло верх, и я тоже посмотрел на нее через Сумрак.

Слабая, но все же аура разрушительницы... что?!

Уклонившись от очередной порции дыма, я в изумлении посмотрел со второго слоя. Поймать тень от набирающих скорость прожекторов оказалось нетрудно. Конечно, передо мной стояла никакая не разрушительница. Схожая аура есть, но неактивная, соответствующие способности находятся в зачаточном состоянии и заблокированы Сумраком намертво еще при рождении. Все равно редкость. По всей видимости, Диана – это дальняя родственница Паолы.

На какой остров Сумраком занесло Сид, что она познакомилась с Иной, которая, попадись ей Мел Судьбы, смогла бы уничтожить Изначальные Силы?!

Впрочем, получи этот Мел я – прожил бы жизнь бурим мишкой на полянке с пчелами.

При первых аккордах толпа взревела полусотней разных голосов. Несмотря на отсутствие видимой охраны, все держали почтительное расстояние от сцены. В воздухе возникла микрофонная стойка, на которой помимо ловца снов в форме совы я рассмотрел светящихся улиток, ползающих по стойке вверх-вниз. Дальше из дыма показался зеленый наряд Сид, которая сразу начала петь.

Никогда не слышал ее поющей, и при первых строках даже вздрогнул.

Сверкающий луч искал в Сумраке жертву,
готовясь опять разжигать вечный бой.

Не будет на сцене финала концерту – идет снова Свет
на сражение с Тьмой.

Но к ним просочилась, как жизни течение, Тень –
без билета, бумаг и вещей.

Свет видел ее как свое отражение, Тьма – как соперницу
в царстве ночей.

И замерла Тьма, отступая подальше, оставив ничто
поглощать ее след.

И сразу за ней, без подруги оставшись, стыдливо укрылся
мерцающий Свет.

И крикнули вместе: «Ты что же такое?! Не видели здесь
мы тебя никогда!»

Ответила Тень: «Я дитя роковое, оставленный вами
птенец без гнезда».

Слова ввинчивались в мое сознание, совсем не к месту пробуждая что-то, о чем я долго хотел забыть. Чтобы отвлечься, я отвернулся и встретил возбужденное лицо совсем молодого инкуба. Его подруга вцепилась ногтями в его плечо, раздирая кожу до крови. Еще один махал рубашкой над головой, демонстрируя просроченную регистрацию на голой груди. На миг во мне проснулся дозорный, но тут же забрался обратно под ребра, стыдливо прикрыв за собой дверь, когда новые строки словно ударили меня в спину:

Вы в битве бесцельной меня породили, в страдании, гнев,
контрастной тюрьме.

Друг друга от дочери вы оттеснили, укрывшись от истины
в собственном сне.

Но мне здесь не место – от Света я таю,
а Тьма растворяет меня без следа.

И если я так вашей битве мешаю, то буду искать мир,
где живы цвета.

Подальше от вас, где свирепствует зависть, где каждый,
кто против, – всего лишь мишень.

Я – Сумрака гордость, я – Сумрака ярость, дочь Света
и Тьмы, беспокойная Светлая

Тень.

Мне захотелось уйти, но не давали толпа, совесть и выпитое пиво. Удружила ты мне,
Сид. По самое не могу.

Под скрипичное соло Сид отступила в сторону, уступая место Диане. Дреды на голове скрипачки шевелились, подобно ищущим жертву змеям. Вытащив из-за пояса остатки много-страдального браслета, Сид начала вытягивать из него нити, пуская их вперед. Почуввав свободу, паракорд размножился на сотни трассирующих следов, ввинтился в пространство, бешеным серпантинном атакуя толпу. Одна из нитей пала на меня, и я неудачно попытался увернуться.

Меня пронзила чистая Сила, словно расщепляя на молекулы. В одно мгновение я ощутил прикосновение сотни аур Иных, стоящих вокруг меня, разом чувствуя их счастье и боль, страдание и радость, смирение и гнев, холод и жар. Почувствовал я и самого себя, и от того, что я в себе увидел, мне стало плохо. Меня швырнуло до третьего слоя в пучину Сумрака, чтобы немедленно вышвырнуть обратно. Задыхаясь, я хватанул ртом задымленный воздух. Не думая ни о чем, сорвал с себя плащ и накинул себе на плечи, чувствуя разгоряченной шеей целительный холод.

Музыка чуть стихла, и начался следующий куплет:

И вот она в мире людей оказалась, с их полной палитрой суждений
и дел.

Симфонией музыки Тень наслаждалась, обилием красок,
дыханьем новелл.
В красоты условностей веру вернула, из мира контрастов сбежала
не зря,
И руки свои к людям Тень протянула, за море оттенков их
благодаря.
Но замерла Тень, посмотрев на их души – увидела ту же тупую
дуэль,
Где Тьма неуверенно, Свет неуклюже дерутся за право возглавить
постель.
Не могут принять люди двойственность мира, признать обе
стороны равными в том,
Что поиск победы – обман и сатира, без Света и Тьмы в себе мы
не живем.

Сид опустилась на колени, опираясь рукой на грязную сцену и в другой держа микрофон.
Она смотрела перед собой, крутя головой, словно отчаянно пыталась собрать взглядом всех
вместе. И остатками сил я пытался ее взгляда избежать.

Заплакала Тень, словно в самом начале, устала тянуться к
циничной толпе.
Два полюса силы ее разрывали; сдалась Тень на волю бесцветной
судьбе:
Познав мир людей, извращенной морали, поняв, что уже никого
не спасти,
Решила покинуть обитель печали и тихо, неслышно сквозь Сумрак
уйти.
Подальше от криков толпы и натянутых масок, фальшивых,
заманчивых сцен
Уходит бесстрастно, лишенная красок, уходит сквозь Сумрак
бесплотная Светлая Тень.

Инструментальную коду к песне я провел как в тумане. Стоявший ближе всего ко мне
гитарист равнодушно посмотрел на меня. Оказывается, на нем были очки для зрения, и в них
отразился оранжевый луч прожектора, который на мгновение меня ослепил. Когда я поморгал,
чтобы прийти в себя, Сид уже не было.

Толпа сзади немного успокоилась. Я с силой вытер ладонями вспотевшее лицо. Надо
вернуться в гримерку, но сначала все же выпить снова, даже если придется раздаривать права
на вмешательства за место в очереди в бар.

Повернувшись к стойке, я застыл на месте, желая, чтобы Сумрак забрал меня уже насо-
всем.

На моем месте, где я совсем недавно пил пиво, сидела девушка, чей профиль в последние
три года я не мог забыть ни на день. Без ставшего привычным мотоциклетного костюма, но ни
джинсы, ни коричневая куртка не могли скрыть до боли знакомых очертаний.

Карминовые волосы. Зеленые глаза.

Заплаканное лицо.

В окружении молодых вампиров и оборотней, с огромным стаканом пива, ничего не видя
и не слыша вокруг – сидела моя Ведающая.

Глава 6

Свисающие сверху кондиционеры принялись нагонять с улицы свежий воздух. Я жадно вдохнул его, вспомнив, что все еще стою в окутанном вокруг шеи плаще. Снял его, встряхнул, сунул руки в рукава, проверяя, не выпал ли пистолет. Его могли двадцать раз стащить, и я бы ничего не заметил. Вроде на месте. А еще местные бродяги могли сделать один или несколько выстрелов и так же незаметно вернуть обратно.

Совсем расклеился, бдительность потерял. Непорядок.

Толпа понемногу успокаивалась, разбредаясь по углам. Я глянул на сцену. Сид ее уже покинула окончательно, оставив одинокую сову раскачиваться на пружинистой ножке микрофонной стойки. Музыканты убрали инструменты и сворачивали шнуры.

Неужели Сид приготовила всего одну песню? Надо найти ее в гримерке, и тогда, может, это будет еще один вопрос из тысячи, которые я хотел ей задать.

Впрочем, надо дать ей время остыть. Такое выступление наверняка вымотало ее не меньше, чем меня самого. И без того я был сильно взбудоражен.

У стойки бара уже не было никакой Веды. По крайней мере со своего места я не мог ее рассмотреть – между мной и стеллажами с напитками собралась толпа. Не знаю, что собирались пить низшие, многим из которых от запаха алкоголя плохо, но замену они явно имели. Я уже рассмотрел, как за стойкой прибавилось барменов. Роль некоторых из них исполняли девчонки, которых я видел в первых рядах на выступлении, – слабые Иные, ищущие свое призвание где угодно.

Действительно ли там сидела Ведающая, или мне показалось? Если второе, то почему она была не копией своего образа, выросшего в подкорки моего сознания, а вполне естественно выросшей на пару лет и немного похудевшей?

Хватит гадать. Надо решать вопросы.

Я двигался вдоль стены к бару, где толпа не так мешала. Дядька у входа уже бросил роль сторожа и жевал чипсы сразу с двух рук. Учтывая, что он не был Иным, он неминуемо должен был ослабеть от энергетического экстаза десятков созданий вокруг себя и теперь компенсировал энергию всем, чем мог. Был бы уместнее сахар, но ему виднее.

Иные вокруг выглядели умиротворенными. Что именно привлекало их в группе Сид – песня или энергетика? Если сегодня музыканты играли без браслетов, то как же тогда проходили их остальные выступления?

Аккуратно двигаясь вдоль стены, чтобы не наступить на сидящих, я натолкнулся на едва различимую фигуру.

Занятно, как игра света и тени способна извратить картинку. Иной, которого я поначалу принял за мачо с прической Элвиса, оказался коренастым и широколицым мужиком в черной фуражке. Он наклонился поближе, и я смог рассмотреть его тяжелый взгляд.

Конечно, оборотень. Достаточно сильный, уверенный в себе и в своей стае, представители которой тут, конечно, тоже присутствовали.

– Торопишься куда-то? – спросил он.

Неужели я забыл заплатить за пиво? Вроде не забыл. Или передо мной стоял кто-то из охраны Сид.

– Отойди, пожалуйста, – попросил я.

– Я мешаю тебе пройти?

– Мешаешь. Ты слишком высокий. Обернись волком, и тогда я через тебя перепрыгну. Только потом не скули.

Оборотень продолжал стоять. Его аура оставалась вполне ровной. Что бы он ни задумал, намерений своих он не менял.

– Меня зовут Тоший Гилмор, – сказал он. – Я тебя здесь раньше не видел.

Он начинал меня конкретно раздражать. Я не спрашивал его имени. И не собирался смеяться над его нелепостью, хотя он мог на это и рассчитывать. Поэтому я просто оттолкнул его и двинулся дальше.

– Ты хочешь проблем? – послышалось мне в спину.

Проще всего было бы повернуться и предъявить ему ксиву. Однако одно это не делало меня, что называется, при исполнении. С момента своего визита в клуб я не говорил никому, что пришел сюда по работе. Никому, кто желал бы со мной повоевать, нельзя было вменить попытку спровоцировать дозорного. Здесь я просто Иной, пусть и сильный.

С другой стороны, его настрой на мордобой я понимал и даже во многом разделял. Слишком много навалилось сразу. Эмоции во мне требовали выхода.

– Кто ты? – спросил оборотень.

Пусть в его словах я не чувствовал хамства, зато нашел в интонации.

– Пошел к черту, – сказал я, чуть повернув голову.

Вот просчитать последствия мне все же следовало.

В следующий миг я почувствовал, как меня за шиворот поднимает ковш экскаватора, чтобы швырнуть в сторону. Я летел головой вперед к выходной двери, сметая забулдыг. Если в кегельбане и есть свой шарм, то не в том случае, когда ты шар.

Сам виноват. Ожидал подлого магического трюка, а нарвался на старый дедовский прием.

Хорошо, что дверь распахивалась наружу. Полагаю, ничто еще не открывало ее так быстро, как мое летящее тело.

И все же я непостижимым образом исхитрился при падении даже не помять плаща, хотя соответствующего мастер-класса не проходил. Тоший Гилмор выскочил за мной, готовясь без лишних слов добавить еще, но теперь я был начеку. Подпустил поближе, увернулся от летящего в лицо кулака. Схватил оборотня за ворот клетчатой рубахи и саданул лбом в лицо.

Есть некая правда в утверждении, будто у оборотней от волчьей натуры остается незначительная дальнзоркость, почти незаметная, пока не придет надобность разглядеть действительно близкий объект. Вот и Гилмор не успел защититься – схватился руками за переносицу, зажмурился. Однако мой последующий апперкот своей цели не достиг – здоровяк перехватил мою руку, вывернул вправо.

Не делая попыток высвободиться, я одарил противника зарядом «серого молебна».

Будь Тоший Гилмор вампиром – после такого поместился бы в собственную фуражку. Но и представителям волчьей масти от этого заклинания не очень хорошо. «Молебен» сработал как гуманный аналог, опалив лицо оборотня чем-то вроде химического ожога, который тут же начал залечиваться.

Вывесив на себя «хрустальный щит», я сумел отразить серию встречных ударов. Прости, Гилмор, драться честно я с тобой не буду. На пустом пляже – всегда пожалуйста. А если ты красуешься перед стаей – извини.

Сорвав с шеи оборотня амулет в форме спортивной штанги, я врезал ему в челюсть. Лишенный перманентной защиты Гилмор взвыл и отшатнулся. Мне даже стало его немного жаль. На что он рассчитывал, напяливая эту безделушку? Хочешь удивить противника – хотя бы не вывешивай напоказ стандартные защитные обереги, которые раздают в приемной нашего штаба. Всякая нежить при случае забирает их пачками, и никто еще не догадался, что эти спонсорские штуки не защищают от дозорных.

Следующее мое заклинание – простая вспышка с переменной яркостью, обычная серия световой атаки с эффектом стробоскопа. И – выхват «ратника» с прицельным выстрелом в ногу по касательной. Ни к чему нашипигивать оборотня серебром, пусть просто почувствует, как по коже проносится потенциальная смерть.

Тоший Гилмор упал на одно колено, оперся рукой о бордюр. Ему хватило ума не перекинуться в волка. Этим он даст сигнал стае атаковать и заодно признает свое полное поражение. Мне же это развяжет руки, чтобы аннигилировать весь клубешник так, что уродливая высотка навсегда прекратит портить пейзаж.

Надо было заканчивать, и как можно этичнее.

Перехватив револьвер, я подошел к Тощему Гилмору, саданул рукояткой в горло. Схватил оборотня за руку, повалил наземь, уперся коленом в висок. Не обижайся, старина. Не я первый начал.

– Все, дозорный, хватит, – услышал я спокойный голос.

Даже более чем спокойный – умиротворенный, словно его обладатель, в отличие от Тощего Гилмора, помимо уверенности в себе хорошо знал, как разрешать такие конфликты. Я отпустил оборотня. Он тут же поднялся и отошел ко входу, даже не посмотрев на меня. Только сейчас я заметил, что на нашу драку смотрела пара десятков обитателей «Мундуса». Почти все они глазели на меня с одобрением, как если бы я прошел ритуал принятия во внутренний круг. Вероятно, теперь мне даже закурить дадут, если я попрошу, а пузатый сторож отсыплет пару хрустящих чипсинок.

Среди толпы не было Ведающей. Знала ли она, что я здесь? Или все еще пьет и плачет?

– Навеселились? – повторил тот, кто разнимал конфликт.

Это был достаточно фактурный Иной. Оборотень, разумеется, но называть его низшим язык бы не повернулся – хотя формально он был именно таковым. Моего роста, он казался ниже из-за мускулистых рук, мощной груди и компактной по мужским меркам талии. На руках – перчатки без пальцев. Не байкерские, скорее, строительные. Лицо оборотня бороздили шрамы и морщины. Стареющие оборотни обычно проводят больше времени в звериной форме. Этот же предпочел жизнь в виде человека. Но ни волчье существование, ни человеческое еще не определяют в полной мере, чья у тебя натура.

– Якут, – представился он и протянул руку в перчатке.

Я пожал ее, чувствуя заскорузлые фаланги его пальцев. Что-то необычное было в прикосновении к ним, но не пытаться же рассмотреть все детали при тусклом свете наружного клубного освещения.

– Сергей Воробьев, – представился я. – Сокрушитель дверей при помощи головы.

Сзади Якута виднелись припаркованные мотоциклы. Полчаса назад их тут не было. Видимо, тоже приехали на выступление Сид. Невольно я поискал среди мотоциклов знакомую модель. «Ямахи» тоже не было. Да и что делать Ведающей со стаей?

– Ты кого-то ищешь, Темный, – сказал Якут без тени вопроса.

Похоже, я выдал свои намерения.

– Просто хотел выпить пива, – произнес я.

– И подраться с Гилей.

– С Гилей? Даже не думал с утра.

– Ты мог уйти от боя.

– Мог арестовать его и запереть надолго. Ты этого хотел, Якут? Или чтобы твоего Гилю покрошили на котлеты?

– Конечно, ты можешь это сделать, – не стал спорить Якут. – Но ты бы не стал.

Он продолжал что-то делать со мной своими глазами – даже не сверлить, не буравить, а изучать, при том что явно видел впервые. Забавно получается. Предводитель клана оборотней, один из немногих в Москве, кто ни разу не слышал про Темного первого уровня Сергея Воробьева. Однако он составил насчет меня впечатление, до боли идентичное тому, что до него составляли все остальные. Неужели я стал настолько предсказуем?

– Твой Гиля напал на меня и получил свое, – объяснил я. – С этим есть проблемы?

Якут обернулся, окинул взглядом своего товарища, угрюмо молчащего в тени.

– Нет, раз он может управлять мотоциклом, – решил Якут.

– За серебро не переживай. Заживет как на собаке.

– От атак Темного – может быстро и не зажить.

– Ничего. Поскачет волком.

Якут молчал. Запоздало я понял, до чего по-хамски прозвучала моя фраза.

– Не думай, что я хочу кого-то обидеть, – сказал я. – Если мои слова показались тебе резкими, то лишь потому, что вы оборотни.

– Да, мы оборотни, – подтвердил Якут. – Не все в стае выбрали для себя эту участь.

– А ты?

– Я – выбрал.

С этими словами, Якут стащил перчатки и показал мне свои руки. Местами кожа была содрана или обожжена. Левый мизинец отсутствовал до середины, три других пальца – неправильно срослись.

– Я поскачу волком, если надо, – сказал Якут. – А когда кончится дорога, проложу новую. Но...

Он опустил руки.

– Много крови потребуется на путь, – добавил он. – Бензин достать куда проще. Вот и мотоциклы лучше.

– Ясно, – сказал я. – Удачи, Якут.

Все же я задержался посмотреть, как он будет надевать перчатки на искалеченные руки. С такими ранениями я бы не сумел это сделать. Якут сумел – на одну руку. Со второй перчаткой он возился, но так и не смог протолкнуть искореженные пальцы в отверстия. Похоже, ему в этом обычно кто-то помогал, кого сейчас рядом не было. На мгновение мне захотелось предложить свою помощь, как вдруг Якут выронил перчатку на землю. По его лицу пробежало выражение досады и, как я был уверен, трудно скрываемой тоски.

Он так и остался стоять, глядя на лежащую перчатку.

Повинуясь порыву, я наклонился, подобрал ее и подал оборотню. На потрепанном спандексе перчатки флуоресцировал логотип стаи – мохнатая лапа тянется к человеческой руке в знак помощи. Больше меня поразило, что лого не нарисовали и не приклеили, а вышили вручную белыми и желтыми нитками.

Якут взял перчатку, посмотрел на меня с выражением непонятной надежды, словно я мог восстановить его веру в Иных – или во что-то другое, до чего я не дошел еще сам. Бросив сомнения, я решительно повернул его ладонь кверху и нацепил перчатку на искореженные пальцы. Молниеносная гримаса боли пробежала по лицу оборотня, когда я застегнул липучки на его запястье.

Оставив его со своими мыслями, я вернулся в клуб. Толпа расступилась, пропуская без разговоров.

«Когда кончится дорога, проложу новую...»

Почему же я при виде конца дороги не прокладываю путь дальше, а изрекаю свои ироничные соображения по этому поводу и затем сажусь писать рапорт о заходе в тупик, долгих разворотах и компенсациях издержек? Наверное, надо просто признать, что я не волк.

Внутри клуба грохотала танцевальная музыка. Группы на сцене уже не было, как и инструментов. Тут точно должен быть ход для персонала – иначе не объяснить, куда все исчезают.

Я подошел к бару, надеясь, что прилив сил после стычки не иссякнет за восемь шагов. Справился с ними – и увидел пустой стул. Ведающая пропала.

Желающих поработать на стойке прибавилось, и мне без лишних разговоров подали еще пива.

– Здесь была Светлая высокого уровня, – сказал я. – Рыжая такая...

– Была, – ответила почти лысая девчонка с татуированной челюстью.

Значит, мне не привиделось.

– Не видели, куда она пропала?

– Я прошу прощения, Темный. Мы не имеем права говорить. Она из Дозора.

– Я тоже из Дозора.

– Про тебя мы тоже никому не скажем, если спросят.

– Понимаю. – Я сгреб пиво и направился к гримерке.

Внутри никого не было. Чтобы убедиться, я даже включил свет. Ни малейшего следа Сид, даже расческу со шпильками забрала. Похоже, она не планировала возвращаться.

Да что же все уходят от меня?

Выкинув пустую банку в переполненную урну, я вышел из клуба. Якут со своей стаей уже скрылись вместе с мотоциклами. Несмотря на расслабленных низших вокруг себя, мне внезапно стало очень одиноко. Я представил, как начну носиться по клубу в поисках Сид, и за мной будет наблюдать любитель чипсов.

Нет. Сид меня еще не обманывала. Она найдет, как со мной связаться.

Поискав свою машину, я вспомнил, что оставил ее в пяти минутах. Что ж, будет время пройтись и немного остыть. Так что я застегнул плащ и направился навстречу сияющей огнями, холодной Москве.

Мои полномочия на сегодня кончились. На улицы заступал Ночной Дозор. Если встречу патруль Светлых – могут прикопаться к любой мелочи. Много времени не отнимут, но настроение испортят.

Значит, Ведающая снова в Дозоре. Интересно, питерский или читинский? Будь она просто Иной не на службе – мне бы выдали про нее все на блюдечке, как про обычную волшебницу, и плевать, что у нас общий уровень Силы. Однако в глазах девчонки за стойкой мы с Ведой были социально равны. Вывод прост: Веда снова дозорная, как и я. Что-то ищет на улицах Москвы.

Я понял, что добрался до машины, только когда натолкнулся на бампер. У водительской двери стояла Сид, рассматривая ногти.

– Привет, – сказал я.

– Привет. Я шла к метро и замерзла. Ты меня подвезешь?

– А твои ребята как?

– Наш бусик сломался, ребята остались чинить.

– Садись.

Я уселся в машину и завел двигатель. Сид незаметно пристроилась на сиденье справа.

В другой жизни я бы удивился многим вещам. Что Сид пришла исполнить всего одну песню. Что возвращалась в одиночестве. Что не предупредила о том, куда и когда пойдет. Чтобы этому удивляться, надо действительно быть с другого острова. С какого-нибудь, на котором ты не знаешь Сид.

Я выехал на дорогу, и Сид подставила ладони струе теплого воздуха из печки.

– Сначала я подумал, что это песня про меня, – сказал я. – Что это я Тень, но какая-то неправильная. Светлая слишком. Знаешь, такая завуалированная лесь.

Сид чуть повернула голову.

– Но это песня про нее, – продолжил я. – Про Ведающую. Это же она Светлая, только Тень.

Сид перевернула ладони другой стороной и сказала:

– Веда ходит на все наши выступления, когда бывает в Москве. Сначала она ждала эту песню. Потом мы решили, что сразу будем ее исполнять, чтобы экономить ей время. Оказалось, что все остальные гости тоже получают от одной песни все, ради чего приходят. Кому нужна Сила, а кому – воспоминания.

– Когда вы с ней познакомились?

– Почти год.

Мне не пришлось долго раздумывать над тем, задавать ли следующий вопрос. Это Сид.

– И вы обсуждали меня?

– Да. Конечно.

– Что ты ей рассказала?

– Что я и мои друзья в глазах Ночного Дозора Владивостока стали самой разыскиваемой бандой. Настолько, что подключили Темных на нашу поимку. Что я стала твоим первым серьезным делом, хотя ты ни в каком Дозоре не работал. Что ты вошел к нам безо всякого прикрытия, потому что не знал, на чьей стороне правда. Что с нами ты познал запретные стороны жизни, морали и закона. Что ты в них разочаровался. Что ты убедил нас разбежаться и не собираться снова. Что мы с тобой один раз переспали, расстались наутро и больше не виделись.

Застонав, я в ярости ударил по рулю, и «Форд» испустил испуганный гудок.

– А ты сказала ей, что это было очень давно?

– Конечно, – ответила Сид. – Не нервничай так. Веда все поняла.

– Она не могла правильно понять! Черт тебя побери, Сид, это было до ее рождения! Мы с тобой были по-настоящему молоды, и все было... иначе.

– Когда у Иного все иначе, то становится точно как у людей, – вымолвила Сид. – Ты ревнуешь женщину, которую сам же оттолкнул. Мне кажется, что ты все еще ищешь новый опыт, когда надо собрать волю в кулак и адекватно использовать уже накопленный.

– Если я так ранил Веду, то зачем ты бередишь ее раны своей песней?

– Ты не прав. Я их залечиваю.

– Еще и амулет испортила. Это от него в зал льется Сила? Все из-за дурацких ниток?

– Нет, – сказала Сид. – Те, кто слушают, равно отдают Силу другим и ее же получают.

Когда отдаешь, то всегда получаешь это назад, но больше.

– Так не бывает. Если одни отдают, то другие получают, и наоборот. Правило Сумрака.

– Не все в этом мире – Сумрак. Жаль, что ты про это забыл.

– Неужели? Я когда-то это знал?

– Когда убедил меня покончить с прошлым.

Я остановил «Форд» как можно ближе к спуску в Жулебино. Сид что-то мне протянула. Стараясь не касаться ее пальцев, я взял блестящий, шуршащий предмет.

Пакетик кофе.

– Клумси сказал дать это тому, кто за ним придет, – пояснила Сид. – Надеюсь, ты знаешь, что это символизирует, потому что я не знаю.

Сид открыла дверь, впуская холодный воздух.

– Скажешь мне держаться подальше? – спросил я.

– Нет. – Сид заглянула в салон, и я увидел ее уставшее лицо. – Напротив, буду рада видеть тебя снова. Только знаю, что этого не произойдет.

И она ушла. Я хотел проводить ее взглядом, но не находил в себе сил.

Она права. Больше я к ней не загляну.

Никогда.

Глава 7

Я сидел в теплом и уютном кафе, домашняя атмосфера которого приглашала прислониться головой к стеклу и заснуть. Это было совсем нетрудно – приказать остальным не замечать меня, только и всего. Однако для этого надо было иметь не меньший уют внутри самого себя, а там у меня бушевал задымленный смрад «Мундуса».

Следующий шаг в расследовании был очевиден. Он означал, что мне придется провести ночь за рулем, поэтому я решил сперва подкрепиться.

Закончив с пельменями и чаем с лимоном (и почему меня все время тянет питаться в кафешках тем же, что я и без того готовлю себе дома?), я откинулся на мягкую спинку кресла. Вытащил пакетик с кофе, покрутил во все стороны, даже поднес к лампе в поисках отпечатков кошачьих лап.

Клумси, конечно, не мог придумать лучшей отсылки к Лине Кравец.

Кот уже и так достаточно натворил, чтобы привязать текущий инцидент к делу фон Шелленберга. Осталось кинуть ниточку к очередной участнице, которая вообще ни при чем и никаких решений не принимала.

Маленькая Лина. Сейчас ей уже должно быть девятнадцать лет, но все равно я не мог представить ее старше хотя бы на день или выше на миллиметр. Вот с косичками, воздушным шариком в одной руке и эскимо на палочке в другой – запросто.

Немного придя в себя, я прикупил шоколадку, воду без газа и пошел к машине.

* * *

Ночная Москва выпустила меня без происшествий. Служебный «Форд» был зачарован на избегание любых аварий с вероятностью процентов под восемьдесят, чего мне вполне хватает. Настроения на то, чтобы проследживать опасности самому, не было и в помине.

До Брянска я добрался часов за пять, что оказалось даже немного быстро. По дороге я настолько отрешился от мыслей, что уже не помнил, не пришлось ли мне проделать часть пути в Сумраке незаметно для себя. Стоял глухой туман, луна скрывалась за тучами. Как сказал бы Шерлок Холмс: отличная ночь для гнусного преступления.

С набором персонала в брянском Дозоре всегда было не очень. При серьезной ситуации они вызывали подкрепление из Москвы, как, собственно, и поступали почти все Дозоры в радиусе километров восемьсот от столицы. Тем не менее Лина вряд ли была в патруле, и не только из-за врожденной невозможности читать ауру, отчего путала Светлых и Темных. Для оперативных работ она все еще не подходила ни по возрасту, ни по уровню, ни по навыкам. Проще всего было бы предварительно позвонить в ее офис и договориться о встрече по всем правилам, но мне становилось почти плохо при одной мысли об очередном официозе. Саймон и его друзья надолго отбили мне желание заниматься дипломатией.

Офис Ночного Дозора в Брянске располагался на Чичеринке, в скромном двухэтажном здании, оставшемся с советских времен, как и многие другие штабы Светлых по стране. Я вышел из машины, чувствуя побаливающую спину и надеясь, что это последствия долгого сидения за рулем, а не драки с Тошчим Гилмором. Хотя в мои годы о себе может напомнить и возраст, мало ли.

Дверь была распахнута настежь. Изнутри доносились запахи школьной столовой. Тихо работал телевизор, показывая свежую серию популярного шоу то ли с нетфликса, то ли с эйч-би-о. Когда я зашел внутрь, голос за кадром начал на повышенных тонах зачитывать манифест про очередное спонсорское казино, стилизуя его под дикий рэп самого примитивного пошиба.

Да, это тебе не притон с оборотнями. Надо как-нибудь напроситься к Светлым на квартирник. С яблочным сидром, белорусским квасом и картофельными драниками.

Приемной как таковой здесь не было за ненадобностью. Никто сюда не заглядывал, кроме своих. Однако охранник в местном штате все же числился. Сейчас он в одиночестве втыкал в телевизор.

На его вопросительный взгляд я сказал:

– Доброго Сумрака. Сергей Воробьев, дозорный, Москва. Мне нужно переговорить с одной из ваших сотрудниц.

Я ожидал всего – внезапной суматохи, резких оборонительных движений и еще много чего из арсенала низкоуровневых Светлых. Вместо этого парень с участием спросил:

– Кого ищете?

– Лину Кравец.

– Минутку.

Он спрыгнул со стула и помчался вдаль по коридору. Пожав плечами, я уставился на экран телевизора. Рекламный блок закончился. Оказывается, охранник смотрел последний сезон «Игры Престолов». Везунчик. Мне вот концовку заспойлерил один прорицатель, еще в прошлом году, когда сериал не был доснят. Как будто мало других способов отомстить дозорному за проведенный по всем правилам арест.

– Привет!

Мне на шею бросилось милое Светлое существо, почти засыпав мое лицо пышными волосами. Ну кто еще в этом мире способен выдавить из меня смущенную улыбку?

– Здравствуй, Лина, – сказал я, протягивая ей шоколадку. – Как твои дела?

– Отлично! – Лина дунула на непослушную прядь, стеснительно заулыбалась и принялась быстро собирать волосы в хвост. – Скучно тут сидеть. Ничего не происходит. Ты в гости или по делу?

– То и другое. Рад тебя видеть. Пойдем прогуляемся?

– Давай! Тимка, я отойду ненадолго, скажешь тете Оле там, хорошо?

Охранник кивнул, не отрывая глаз от экрана.

На улице я вытащил кофейный пакетик и сказал:

– Понимаю, что ты не любишь это дело, но тут мне вот что подогнали...

– Фу, бяка. – Лина отвернулась. – Убери!

– Уже убрал. Слушай, мне дал это Клумси.

– Клумси? Так вы виделись?

– Виделись и потерялись. Он дал мне понять, что ты можешь знать, где он. Поможешь?

– Конечно. – Лина потеряла нос и улыбнулась снова. – Ты на машине? Нам тут недалеко надо, но пешком все равно долго.

– Куда мы едем?

– Все покажу. – Лина распаковала шоколадку. – Никто мне тут подарки не дарит еще с марта. Правда, всем зарплату задерживают...

В машине я вопросительно посмотрел на нее, и Лина сказала:

– Нам на Мамоновское кладбище.

– Навигатор дать?

– Зачем? Поехали, я все так покажу.

Путь занял считанные минуты, и всю дорогу я провел в блаженной терапии, коей служило щебетание Лины о всяком разном. Я успел услышать родословную всех ее коллег, ценовые изменения в городе и вздохи об отпуске на курорте, до которого «еще два месяца».

– А парень твой как? – спросил я.

– Женька на работе. Ушел из Дозора, переехал с Еката ко мне. Устроился в исполком.

– Сотрудник Ночного Дозора города Екатеринбурга Евгений Морозко, – произнес я. – Теперь для всех просто Женька.

– Говорит, меня ни на кого не променяет.

– Понимаю. Кристину видели?

– Ей нашли новую семью, – сказала Лина. – Иногда присылает мне смайлики.

– Снова кому-то подкинули?

– Нет. Представляешь, нашли дальних родственников, настоящих. Живет теперь в Ижевске.

– Это же замечательно, – сказал я искренне. – Похоже, у всех вас судьба после Севастополя сложилась хорошо.

– А у вас с Ведой нет?

Я промолчал.

– Вы что, не вместе?

– Мы не общались с тех пор, – ответил я, пытаясь разобраться, что же именно чувствую. –

Не задалось.

– Сережка, я никогда не поверю, что Темный может так ответить.

– Может, я неправильный Темный.

– Я-то с ней тоже не общалась, – фыркнула Лина. – Думала, ты за ней присматриваешь и у вас все хорошо. Блин. Знала бы, что она одна осталась, так хоть бы созванивались.

Дорога значительно сузилась. Мы ехали вдоль деревянных избушек в дремучий лес с характерной, заметной издали аурой кладбища.

Не зная того, Лина подметила верно. Как для Светлой – чертовски верно. Каждый, кто близко подпускает меня к себе, довольно скоро теряет все свои другие контакты и больше ни с кем, кроме меня, толком не общается. Остаются рабочие и родственные связи. Но вот остальных друзей все теряют, если в их числе есть я.

– Стоп, – сказала Лина. – Мы приехали.

Я остановился, глядя в боковое окно на темный, пропадающий в ночи пустырь.

– Что тут? – спросил я.

– Тайное убежище.

Лина вышла из машины, подсвечивая вспышкой мобильного тьму перед собой.

– Чье? – Я выбрался следом. – Ночного Дозора? Или местных вурдалаков?

– Мое собственное. Я в детстве здесь лягушек ловила.

Вообразив, как буду все это описывать в отчете Агееву для подписей Инквизиторам, я решил промолчать.

Лина трижды мигнула вспышкой и описала круг рукой с зажатым мобильником. Не прошло и минуты, как я ощутил чье-то присутствие впереди.

Из темноты показались усы, следом проявилась пушистая морда, чуть пригнутая к земле. Большой серый кот появился перед нами, с выражением вины и осторожности, с готовностью сигануть на ближайшее дерево – если найдется то, что окажется способно выдержать такого тюленя.

– Здравствуй, Клумси, – сказал я. – Нам не помешает поговорить.

– Подожду в машине, – решила Лина. – И привет, Клумси.

Кот мяукнул. На фоне угрюмого леса он выглядел очень одиноко.

Я подошел к нему ближе, медленно коснулся гладкой шерсти, потрепал кота за башкой.

Он чуть съежился, но не убежал.

– Ладно, приятель, я тебя не арестовывать приехал, – сказал я. – В самом деле поговорить надо.

Кот оторвал от земли передние лапы, словно вскакивал после отжимания. За несколько мгновений он сузился, одновременно приобретая человеческий облик. Передо мной возник

молодой парень с лицом студента, случайно взорвавшего химлабораторию вместе со всеми журналами и любимым креслом декана.

Зато одет он был очень похоже на меня – куртка с длинными полами, по дизайну напоминавшая мой плащ, качественные темные брюки и начищенные туфли. Даже серебряная пряжка на ремне была точь-в-точь.

– Повезло тебе с костюмом, – заметил я. – Даже не знал, что у тебя в прошлом такие были.

– Я больше не меняю костюмы случайно после перекидывания, – сказал Клумси. – После того, как прошел через все шмотки, которые носил, уже могу сам выбирать себе вид.

– Даже не знаю, с кого ты содрал свой текущий имидж. Но одобряю, у него явно есть стиль.

Клумси покраснел так, что заметить его сейчас Сумрак – немедленно наделил бы полномочиями полной луны.

– Что ж ты натворил, кот? – вымолвил я. – У меня к тебе столько вопросов, да и не только у меня. Но думаю, что тебе и так есть что мне сказать.

Клумси кивнул – быстро, совсем по-кошачьи. Теперь мне надо будет перенимать у него детали имиджа, а то совсем медленный стал.

– Должен заметить, ты очень грамотно расставил следы, – сказал я. – Умело выстроил цепочку улик, чтобы по ним на тебя вышел только я. Зато в остальном ты такой улей разворотил, что можно и не пытаться запихать мед заново. Просто скажи, где эликсир, который ты украл. Все мои дальнейшие действия будут зависеть от твоего ответа.

– У меня его нет, – сказал Клумси.

– Понятно, – произнес я, чувствуя, как рушатся мои последние надежды на простое решение вопроса. – Тогда тебе придется многое объяснить. И лучше сделать это прямо сейчас. Передо мной.

Клумси долго смотрел в сторону. Не похоже, чтобы из него рвались страстные откровения. Он ждал, что нам с ним надо просто встретиться, а там я снова возьму в руки инициативу, даже не имея представления о том, что происходит. Если и так, то это был очень дурной план. Или же он забыл, что в прошлый раз так многие погибли.

– Знаешь, – сказал он, – в эти три года я много где побывал. Как-то напился на квартирнике, вышел полежать на крыше и задумался над одной штукой. В Севастополь нас отправили десятерых, а вернулись пятеро. У Лины с Морозко все хорошо. Ты повысил уровень и стал авторитетом в своем Дозоре. С Ведой я не говорил, но слышал, что в Чите теперь стало мало происшествий. А себе я места найти не сумел. Мотался по всей стране туда-сюда, тыкался в каждую щель, к любому костру. И меня отовсюду гнали. Знаешь, как оно бывает – типа смешной такой кот, чудо Сумрака. На первый раз все хотят погладить кота. Ведь так смешно засунуть ему в пасть пачку корма и смотреть, как он тарашится. Детям Иных поспать на таком – и вовсе сказка. Потом это надоедает, и кот получает ногой под зад.

– Из этого следует далекоидущий вывод?

– Не так далеко. Я не должен был выжить в Севастополе.

– Клумси, – сказал я. – Ты на той крыше перепил просроченной сметаны. Это обычная депрессия. Для всех нас, кто сумел выбраться, это стало лучшим исходом. Ты же не ожидал, что тебя немедленно возьмут в Дозор?

– Ожидал, – произнес Клумси с напором. – Тот длинный день был моим самым счастливым в жизни. Знаешь почему? Потому что я целый день провел в Дозоре! В самом настоящем севастопольском Дозоре, собрать который помогли Завулон, Гесер и Надя Городецкая! Все, что отличало меня от других оборотней, там пригодилось! Я расследовал и анализировал, преследовал и спасал, собирал ценные данные и сражался, рвал и кусал, был рядом и помогал, чем мог, я даже мотоцикл Веды вытащил с четвертого слоя Сумрака! Ты не представляешь, сколько раз мне это потом снилось! Я все еще чувствую по рту вкус кожаной рукоятки «Ямахи»

и оленьих рогов, вижу синеву в реке, и мне хочется царапать ее когтями. Вся жизнь до того дня была одним сплошным тупым мяуканьем у окна, сквозь которое я мечтал увидеть хоть кого-то, кто откроет форточку и позволит мне поохотиться рядом. А никто не позвал.

Вот теперь я начал его понимать.

– Думал, после Севастополя найду место в Дозорах, – продолжал Клумси. – Но хрен там плакал. Раньше тоже не брали. Смешно, но пробовал даже в Ночной устроиться. Ты пойми, мне не нужны фанфары. Мне нужна была самореализация. Вместо этого – скандалы, интриги, расследования. Соответственно от Светлых, Темных и Инквизиции. Шесть месяцев выноса мозга, одна командировка в Прагу – в тюремном фургоне, между прочим. Как вернулся, меня не хотели знать даже те, кто раньше дружил. Подумывал плюнуть на магический мир и вернуться к работе детским аниматором, но уже не мог. Вера в добро пошатнулась. Да и трудно позабыть о своей темной стороне, когда стабильно раз в две недели пропирает мышей половику. Я их, конечно, не ем, но так, грызу потихоньку. Иначе становлюсь вялый, как кастрированный вислouxий шотландец. А я, между прочим, по своей сумеречной природе – хищник. Ты понимаешь?

– Да, – сказал я. – Думаю, тебе это знакомо больше. Недоеденных мышей стараюсь не бросать.

– Шути сколько хочешь, – с горечью сказал Клумси. – Знаю, что в Севастополе я вышел на пик. После него началась полная задница. Сказал бы я иначе, да боюсь, Лина услышит.

Я обернулся к «Форду». Лина жевала шоколадку и пыталась незаметно вытереть испачканные пальцы о пассажирское сиденье.

– Так ты укрылся у нее? – спросил я. – Где-то здесь?

– Ну не в норе же мне жить. У Лины тут старая родительская хата пустует. Я иногда здесь обитаю. За домом ухаживаю. Пару раз с ней и Женькой тут шашлыки устраивали.

– И тем не менее ты мечтаешь о крови и бое, – заметил я. – На шашлыки мог бы и позвать. И меня, и Веду. Ведь мы бы с ней вполне могли и вдвоем приехать. Потому что ты, кот, был нам дорог.

Клумси рассеянно кивнул, глядя куда-то вдаль.

– Ты мог бы обратиться ко мне насчет работы в московском Дневном, – сказал я. – У меня достаточно влияния.

– Начать карьеру с такого тупого блата? – покачал головой Клумси. – Серый, я так не могу. Даже если бы и пришел, то стал бы еще большим посмешищем. Навсегда бы остался на побегушках, как информатор, даже в патруль бы не попал. Ты сам на это согласился бы?

Я подумал и ответил:

– Ты прав. Не согласился бы.

В «Форде» сзади завибрировали басы – Лина включила музыку.

– Так, с тобой все ясно, – сказал я. – У тебя не задалось ни с Дозорами, ни с жизнью простого человека, ни с ловлей мышей. И к чему ты пришел?

– К своей родной сути. Я оборотень. Мне нужна стая.

– Стая?

– Именно. К этой мысли я шел до неприличия долго. Искал и бился башкой о стены, лез в каждую компанию, пока на меня не вышел один волколак в Москве.

– Что за волколак? – быстро спросил я.

– Понятия не имею. Мы общались в звериных формах. В человеческом облике я его не видел.

– Но ты сможешь его опознать в звероформе?

– Нет. Не смогу. погоди, дай объяснить.

– Внимательно слушаю.

– Я никогда не видел прежде такой ауры, но знаю ее. Это был простой низший оборотень, но незадолго до нашего разговора он точно растерзал несколько людей. Никому не дают лицензию на массовое убийство. И все же у него была аура Абсолютного Карателя. Я это чувствовал, понимание таких вещей приходит к нам при первом входе в Сумрак. Он говорил со мной скорее ментально, чем знаками или рычанием. Мне было страшно, особенно оттого, что я его понимал.

– Продолжай, Клумси.

Парень на миг закрыл лицо трясущимися руками.

– Этот разговор напоминал соприкосновение душ, и моей душе было больно. Он сказал, что я особенный и что он хочет принять меня в стаю.

– Он сказал, что возглавляет эту стаю? – спросил я.

– Сказал, что имеет право говорить от ее имени. Что мне надо напасть на Инквизиторов и украсть эликсир. И мне укажут время и место. Что мне помогут другие оборотни, которые будут слушаться меня. Все было как в тумане, но я понимал смысл каждого слова.

– Что еще ты понял? Клумси, думай хорошо.

– Трое оборотней, которые пришли вроде как на помощь, – простые бродяги с улиц. Они никогда не были ни в какой стае, сразу видно. И я согласился. Подумал: пусть нас ему не жалко, мы смертники, но если выполним задание, то нас примут как своих. Однако решил подстраховаться. Сходил к Сид, сказал, что мне нужно пять любых защитных амулетов.

– Так... – Картина в моей голове начала складываться. – И вы напали на Инквизиторов.

– Да. Я хотел доказать, что могу попасть в стаю.

– Даже не зная, о какой стае речь?

– О той, где меня примут.

Клумси вздохнул.

– В общем, ты остальное знаешь, – добавил он. – Я увидел тебя в башне. Понял, что ты рано или поздно выйдешь на меня. И решил: а чего тянуть? Оставил тебе остаток амулета. Срочно сгонял к Сид и дал ей пакетик кофе – ничего больше не придумал. А сам двинул в Брянск... да, все как-то наскоро было, но я не хотел и тебя подставлять. Вдруг ты не один за мной придешь.

– Где флакон, Клумси?

– Я выбросил его в условленном месте, в ПандаПарке в Филях. Позже даже проверил – уже нету. Оборотень его забрал. Смешно, но я там позже сидел и ждал, что он вернется и пригласит в стаю. Он не появился. Кинули меня, как обычно.

– Сможешь его узнать, если увидишь?

– В облике человека я его не видел, только в волчьем, – с сомнением ответил парень. – У него была повреждена правая передняя лапа. Не могу сказать, где и как. Сильно опалена.

– Ты сказал, что не сможешь его опознать по ауре. Почему?

– Разве что он снова совершит массовое убийство. Аура Абсолютного Карателя держится несколько часов, полностью искажая прежний сумеречный образ. И чтобы ее получить, оборотню надо принести девять человеческих жертв. Мне страшно об этом думать, но я считаю, что он совершил убийство, просто чтобы скрыть ауру для нашего разговора. Я не хочу видаться с ним опять, потому что для этого он опять кого-нибудь убьет. И если...

– Девять, – произнес я, чувствуя холод по спине.

– Что?

– Девять жертв. Как в утреннем теракте в аэропорту.

У Клумси отвисла челюсть.

Шагнув назад, я побежал к машине.

– Я не хотел, чтобы так вышло, – кричал мне Клумси вслед. – Прости меня! Я хочу помочь!

– Просто оставайся здесь, – предупредил я. – Будет нужно – свяжусь через Лину. Прыгнув в машину, я вырубил музыку и помчался в город.

– Поговорили? – спросила Лина. – Ты меня только у конторы высади, ладно?

Я не ответил. В моих жилах кипел адреналин. Мне нужно было срочно в Москву, в Шереметьево, к моей команде, которая, быть может, прямо сейчас передает Ночному Дозору драгоценные улики по оборотню-маньяку, который заказал похищение «камчатки».

– Отсюда я дойду, – сердито сказала Лина. – Останови.

– Что? – встрепенулся я. – Извини, отвлекся. Сейчас доедем.

Чуть сбавив скорость, я свернул к нужной улице. Через пару минут остановился у офиса, посмотрел на Лину с благодарностью.

– Спасибо, – сказал я. – Присмотри за Клумси, ладно? Наш кот в последнее время конкретно загулял.

Лина с укором покачала головой.

– Что? – спросил я.

– Я все понять не могла, почему вы с Ведой не вместе, – сказала Лина. – А потом сообразила. Ты Темный, первого уровня. Она Светлая, тоже первого уровня. Если у вас появится ребенок и он будет Иным, то он может стать новым медиумом Баланса. И тогда вся та фигня, через которую мы в Севастополе прошли, вернется. И все начнется по новой. Так?

Я лишь моргнул в ответ.

– И что это один шанс на миллион – тебе без разницы, – думала вслух Лина. – Ты весь такой крутой и пафосный, тебе нужна стопроцентная гарантия счастья. Наверное, еще и линии вероятности мониторил, что там у вас с Ведой будет. А потом просто ее послал. Так? Я ведь права?

Мне пришлось спрятать руки в складках плаща, чтобы скрыть смятение.

– Ты так красиво говоришь, что права по определению.

– Поняла. – Лина уставилась в потолок салона. – У меня прабабка при родах душу отдала Всевышнему. Тоже вероятность один на миллион. Но если мне Женька скажет, что я должна в будущем отказаться от ребенка, потому что есть какой-то там риск какой-то там фигни, с которой к тому же можно справиться, – я ему так по чердаку заеду, что «фризы» из глаз пускать будет. И сам стирать себе носки с первого же триместра.

Оставив меня обдумывать эту мысль, Лина вышла из машины.

– За котом присмотрю! – крикнула она. – Песок в лотке менять буду. Ты только веди себя так, чтобы ему сильно гадить не пришлось, о'кей?

Лина скрылась в прихожей офиса, оставив меня в полном замешательстве. Словно подгоняя меня к дороге в Москву, на ветровое стекло упали первые капли дождя.

Глава 8

Силуэты терминалов Шереметьево выросли передо мной, когда солнце уже поднялось, оставив позади дождливую ночь. Я вернулся в столицу, будто и не выезжал. Усталость внутри меня то разрасталась, то пряталась в глубь разума, выбрасывая на передний план образы всех, кого я встретил за последние сутки, чтобы расстаться с ними вновь. Казалось, что каждый из них оторвал понемногу от моей ауры, и я надеялся, что остатка мне хватит, чтобы продержаться еще день.

О взрыве в аэропорту я почти ничего не знал, кроме того, что сказал вчера Джеппу на стоянке штаба. Стандартное происшествие по меркам людей, хотя и не каждодневное для Москвы. Непонятный взрыв на стоянке аэропорта, без следов магического вмешательства. Девять засвидетельствованных жертв, много пострадавших. Согласно официальной версии – террористический акт, за который пока никто не взял ответственность. Ночной Дозор тем не менее поднял тревогу. Возможно, Светлые имели основания заподозрить нечто такое, что привязывало взрыв к миру Иных.

Детальных координат зоны происшествия я не знал и потому остаток пути проделал, следя за изменениями в Сумраке. Место взрыва оказалось легко обнаружить по сигналам Светлых, которых тут было явно больше, чем наших. Свернув к стоянке, я вскоре обнаружил и «Опель» Шпунта у паркинга на выходе из терминала Е.

Дальнейшую дорогу я прошел пешком, минуя три кареты «Скорой помощи», у которых суетились Светлые целители. При виде меня они чуть не обомлели. Нормальная реакция для тех, кто потратил имеющийся запас Силы на долгую работу, чтобы вдобавок внезапно встретить Темного. Один из целителей все же при виде меня вытащил потрепанный мобильник и начал кому-то названивать. Молодец, пусть действует по протоколу. Я пока со своими поздравляюсь.

Шпунт крутился снаружи от площади, перегороженной полицейской лентой и красно-белыми ограждениями. При виде меня он с облегчением всплеснул руками.

– Здорово, – сказал я. – Что тут у нас?

– Формальности, – ответил Шпунт. – Раненых увезли, «светляки» допрашивают очевидцев. Уже сутки тут дежурят. Зеленым чаем нас угостили. Хорошие ребята, сказать нечего.

– Что тут взорвалось конкретно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.